Михаил СЕРЯКОВ

НЕВЕДОМАЯ РУСЬ

РУСЫ ОТ ВОЛГИ ДО ДУНАЯ

Неведомая Русь

Михаил Серяков

Русы от Волги до Дуная

«ВЕЧЕ»
2015

Серяков М. Л.

Русы от Волги до Дуная / М. Л. Серяков — «ВЕЧЕ», 2015 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4444-9232-1

Новая книга историка М. Серякова посвящена так называемой докиевской Руси. Основываясь на многочисленных свидетельствах древних источников, автор рассказывает о руссах Дуная, региона Карпат, Днепра, Причерноморско-Азово-Донского региона, Кавказа, а также Поволжья. На основании комплексного изучения археологических исследований М. Серяков определяет наиболее вероятное время возникновения «Русской земли» в Среднем Поднепровье, а также возможность контактов наших далеких предков со скифами. Особо автор останавливается на непростых русско-хазарских отношениях и контактах руссов с азиатскими кочевниками, вторгавшимися в Восточную Европу. Книга будет интересна всем любителям древней истории России.

ISBN 978-5-4444-9232-1

© Серяков М. Л., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Вступление 6
Глава 1. Русы на Дунае 9
Глава 2. Карпатская Русь 24
Глава 3. Летописная традиция о Днепровской Руси 36
Глава 4. Русский каганат 47
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Михаил Серяков
Русы от Волги до Дуная

© Серяков М.Л., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2015
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Вступление

Настоящая книга является продолжением исследования, посвященного происхождению Руси. Поскольку как отечественные, так и иностранные источники упоминают древних русов в различных регионах и свидетельства эти носят отрывочный и случайный характер, то единственная возможность получить хотя бы относительно целостную картину заключается в том, чтобы сгруппировать эти источники по территориально-хронологическому принципу. Первые три книги данного цикла – «Загадки римской генеалогии Рюриковичей», «Одиссея варяжской Руси» и «Битва у Варяжских столпов» – были посвящены различным группам варяжской Руси, располагавшимся у Балтийского моря. Настоящая книга посвящена «южной» группе источников, которая упоминает русов на достаточно большом пространстве от Дуная до Волги. Оговоримся сразу, что понятие «южный» в данном случае несколько условно, поскольку включает в себя не только византийских и мусульманских писателей, действительно южных по отношению к Руси, но и западно- и центральноевропейских латиноязычных авторов, которые скорее находились от нее на западе, но, поскольку отмечали те или иные подробности, относящиеся уже не к Балтийскому, а к Дунайскому региону, также были отнесены к этой категории. Однако последний географически тяготеет к Черному морю, и, кроме того, в ряде случаев события, отразившиеся в некоторых латиноязычных хрониках, так или иначе связаны с Византийской империей. Все это делает целесообразным подобное общее подразделение всех имеющихся источников на две части.

Однако среди второй половины наших источников, к сожалению, нет ни одного, хотя бы отдаленно напоминающего «Деяния данов» Саксона Грамматика, неоднократно упоминавшего наших предков на одной территории на протяжении достаточно большого промежутка времени. Все источники, относящиеся к «южной» группе, носят исключительно фрагментарный характер, что делает зачастую невозможным создание хотя бы отчасти целостной картины для той или иной территории. Для понимания появления русов в том или ином регионе приходится привлекать свидетельства, относящиеся к различным временным периодам. Приоритет, разумеется, принадлежит наиболее ранним источникам, упоминающим русов до образования единого Древнерусского государства, однако для прояснения ситуации в ряде случаев приходится обращаться и к более поздним источникам. Наконец, еще одной причиной, усложняющей исследование, являются гораздо большие, по сравнению с регионом Варяжского моря, его географические рамки – уже достаточно рано русы упоминаются от границ Германии на западе до Средней Волги на востоке и Кавказа на юге. В силу этого представляется целесообразным отдельно рассматривать источники, относящиеся к русам на Дунае, в регионе Карпат, на Днепре, где впоследствии находилась столица Древней Руси, в Причерноморско-Азово-Донском регионе, на Кавказе, а также в Поволжье. Кроме того, есть целый ряд известий о торговле или о ранних походах русов на земли Византийской империи и Кавказа. Откуда именно являлись русы, древние авторы, как правило, не сообщают, однако в некоторых случаях возможны некоторые предположения на этот счет. Хоть практически все эти сообщения единичны, на основании этих разрозненных сведений мы постараемся составить общее представление о русах, попадавших в поле зрения «южного» круга авторов.

Несколько слов следует сказать о том, почему некоторые свидетельства, в том числе и хорошо известные, не будут рассматриваться в этой книге. Знаменитый поход Бравлина на Сурож, по моему мнению, был совершен русами, проживавшими в землях ильменских словен, и уже рассматривался в книге «Одиссея варяжской Руси». Известие византийского автора XIV в. Никифора Григора о русском князе при дворе императора Константина, равно как и утверждение отечественной «Степенной книги» о войне русов с византийским императором Феодосием, относится, на мой взгляд, к рутиклеям-русичам и было освещено в «Загадках рим-

ской генеалогии Рюриковичей». Упоминание византийского автора Феофана о том, что в 765 г. император «Константин двинул флот из двух тысяч судов, состоящий против Болгарии, и, сам сев на русские судна (ούσια χελάνδια), намеревался плыть к реке Дунаю»[1], породило продолжительную дискуссию по поводу понимания приведенного в скобках выражения. Часть исследователей считала, что речь идет именно о русских судах, и видела в этом фрагменте одно из доказательств присутствия русов в Восточной Европе задолго до призвания варягов. Другие категорически отрицали это, полагая, что речь у Феофана шла о «красных кораблях», украшенных пурпуром в знак их принадлежности императору. При рассмотрении этих двух вариантов перевода данного фрагмента следует иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, впоследствии Константин Багрянородный посвятил отдельную главу своего сочинения описанию судов, на которых плавали византийские императоры. В самом ее начале он отмечает: «Должно знать, что вплоть до царствования блаженной памяти мудрейшего басилевса Льва не существовало царского дромония, на который вступал бы басилевс, а входил он на красный аграрий (ούσιον αγραριον). <…> В древности Стенон имел хеландии царского флота числом до десяти». Далее он упоминает «гребцов царских аграриев, русиев и мавров (ούσιων τε και μαύρων)»[2]. Дромоний был военным судном, имевшим более ста гребцов, не считая воинов на его палубе. Что касается Льва, то речь здесь идет об императоре Льве VI, правившем с 886 по 912 г. Аграрий был грузовым судном, причем по расцветке судов они делились на красные и черные, причем названия эти, как отмечают переводчики, переносились и на их экипажи. Соответственно, по их мнению, в данном фрагменте упоминаются не русы и мавры, а «красные» и «черные» гребцы императорских судов. Во-вторых, в оригинале сочинения Феофана судно названо хеландием. Точной характеристики этого типа судов нет, но большинство специалистов полагает, что это был тяжелый военный корабль, вмещавший от 100 до 500 человек (мнения исследователей по этому поводу расходятся). Есть мнение, что хеландия – это другое название дромония. Если обратиться к данным, которые нам известны о русском флоте в Средние века, то суда Олега вмещали в себя 40 гребцов, во время походов на Каспий численность экипажа доходила до 100 человек. Хорошо известно, что византийские императоры активно нанимали варваров в свою армию. Соответственно, во многом правильное понимание интересующего нас фрагмента зависит от того, считать русиев и мавров Константина Багрянородного этническими или цветовыми характеристиками, равно как и то, можно ли относить описываемые им придворные порядки к более раннему периоду. Имеющиеся источники ничего не говорят о найме русов в императорский флот в VIII в. Предположение о том, что император могучей империи, обладавший к тому же собственным флотом, нанял суда у местных жителей и доверил свою драгоценную особу варварам, представляется весьма маловероятным. С учетом всего этого следует признать, что данный фрагмент из сочинения Феофана носит достаточно спорный характер и без доказательства присутствия русов в императорском флоте в описываемую им эпоху едва ли может использоваться в качестве аргумента.

Менее известными является данные из Жития Афанасии Эгинской. В Прологе 1896 г. о ней написано следующее: «Афанасия преблаженная бе от острова, нарицаемого Егинеа… Родися от… отца Никиты и матери Ирины, от них же… книгам научена бысть… Родителие ея непрестанно нудиша ю оставити спасительный путь (безбрачия) и нуждею вдаша ю мужу. И по браце мину 16 день, Руси ратию пришедши на страну ту и мужу ея убиену, Афанасия радовашеся, зане хотяше восприяти монашеское житие. И царево внезапное прииде повеление вдати велящее юные вдовы за оружники своя. Афанасия же второму браку неволею сочтеся. По некоем же лете увеща мужа своего быти монаха и сама иде в монастырь девичь». На основании указания этого текста о насильственной выдаче вдов замуж за воинов М. Слабченко датировал нападение русов на Эгину 813 г.[3] Следует отметить, что Житие Афанасии известно в двух версиях, помещенных в «Великих Минеях Четьих» под 11 и 12 апреля. В первом варианте

нападающими на Эгину названы «*маѵ̈русии*», под которыми, вероятнее всего, подразумевались арабы, во втором – «*русии*». Древнейший отечественный список Жития датируется XIV в. Как отметил В.А. Шорохов, обращение к греческому тексту данного Жития, датированного 916 г., показало, что там нападавшие названы *«maurousioi»* – мавры и, следовательно, речь идет об ошибке переписчика[4].

После этих предварительных замечаний приступим к рассмотрению имеющихся данных о русах в южных регионах, двигаясь с запада на восток.

Глава 1. Русы на Дунае

Одним из наиболее ранних свидетельств пребывания русов в данном регионе является грамота Людовика Немецкого от 16 июня 863 г. Она подтверждает земельные пожалования, сделанные Карлом Великим Алтайхскому монастырю в Баварии, так описывая их границы: «… к владениям упомянутого монастыря относилась местность под названием Скалькобах – а этот ручей протекает по многим местам: на запад вплоть до Дагодеомарха, а оттуда на восток до Русарамарха (Ruzaramarcha) и до места, называемого Цидаларибах, что в лесу у реки Эниса, который лежит между Динубием (т. е. Дунаем) и (реками) Ибиса и Хурула…» О том, что это не случайное созвучие, говорят река Ruzische Muhel и гора, «что по-славянски зовется Ruznic», неподалеку от реки Урль, упомянутая в грамоте 979 г.[5] Неоднократно обращаясь к данной теме, А.В. Назаренко смог достаточно точно определить расположение Русской марки (рис. 1). Исследуя это свидетельство с филологической точки зрения, данный ученый пришел к выводу, что интересующий нас корень появляется в древненемецком языке в III–V вв. или V–VI вв. Поскольку Русская марка фиксируется письменным источником в континентальной Германии на следующий год после призвания варягов, это делает маловероятным заимствование интересующего нас названия напрямую из Восточной Европы. Вместе с тем, поскольку оба названия вполне могут происходить из одного источника, со значительной степенью вероятности мы можем предположить, что данным источником и были западные славяне. Во Франкском государстве марка была пограничным военно-административным округом. Поскольку грамота подтверждала пожалование Карла Великого, как раз и введшего систему марок для защиты границ своего государства, вполне возможно, что данное название восходит к эпохе этого великого завоевателя.

По поводу возникновения названия «Русская марка» в науке были высказаны различные мнения. Поскольку примерно в этом же регионе гораздо ранее находился Ругиланд, в котором в V в. н. э. жило германское племя ругов, то А.Г. Кузьмин связал между собой Ругиланд и Русарамарху. Он обратил внимание на одну странную фразу автора Повести временных лет (далее – ПВЛ). Рассказав библейскую легенду о разделении языков, летописец неожиданное отмечает «Норци иже суть СловенѢ»[6] и вслед за тем переходит к описанию расселения славян с Дуная. Кем были эти загадочные норцы (а ни одного славянского племени с подобным названием не известно) и почему о них счел нужным упомянуть автор ПВЛ? А.Г. Кузьмин предположил, что в данном фрагменте речь шла о римской провинции Норик и ее обитателях. Данное предположение позволяет перекинуть мостик между ругами эпохи Великого переселения народов и киевскими русами. Не исключая в принципе возможности того, что летописец под норцами имел в виду население Норика, следует отметить, что это только один из вариантов понимания данного текста. Кроме того, автор ПВЛ даже приблизительно не указал ту эпоху, к которой относятся данные слова, в результате чего она может быть датирована как более или менее современным летописцу периодом, так и гораздо более древними эпохами. Наконец, в этом фрагменте совершенно определенно говорится именно о славянах, а не о русах. Таким образом, и этот загадочный текст не может рассматриваться как прямое отождествление обоих интересующих нас народов. В пользу версии А.Г. Кузьмина говорит как будто тот факт, что в одном из списков рукописи «Жития святого Северина», датируемом XI–XII вв., к латинскому названию Rugorum была сделана приписка, указывающая, что это название звучит в немецком языке как Ruzen или Rucen[7]. Однако подобное примечание переписчик мог сделать и в силу того, что знал, что другим названием живущих на Рюгене славяне является русы.

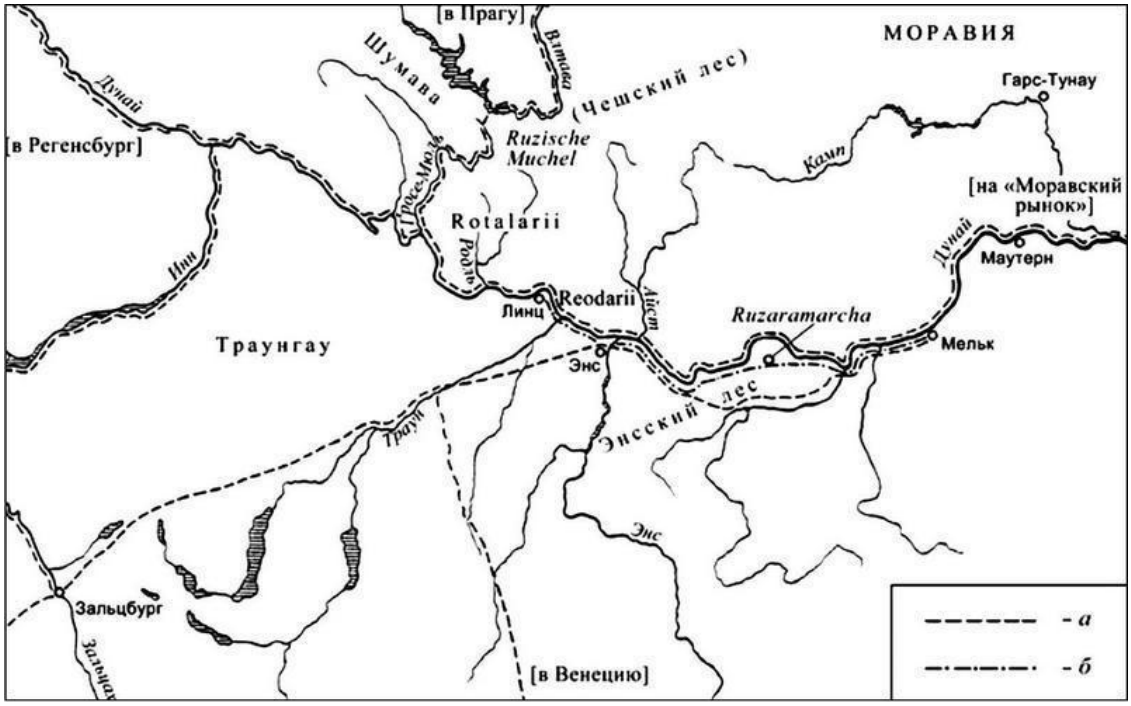

Рис. 1. Карта Русской марки на Дунае, составленная А.В. Назаренко. Источник: Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М. – Вологда, 2012

Поскольку вопрос о связях между ругами и русами и о характере этих связей был рассмотрен мною в книге «Загадки римской генеалогии Рюриковичей», то необходимости останавливаться на нем в данном исследовании нет. Отметим только, что специально проанализировавший вопрос о возможных связях между Ругиландом и Русарамархой А.В. Назаренко пришел к выводу, что оба названия ни территориально, ни хронологически не связаны друг с другом[8]. В самом Ругиланде руги жили только тридцать лет, пока их государство не было разгромлено Одоакром. Как установили исследователи, само это название при описании событий 487 г. встречается в анонимном труде «Происхождение лангобардов», написанном в первой половине VII в. Все остальные источники, упоминающие впоследствии данное название, лишь повторяли текст этого анонимного сочинения. В устной традиции названия Ругиланда к IX в. не существовало, а грамота 863 г. составлялась сугубо в практических целях, и ее авторы отнюдь не стремились блеснуть книжной ученостью. Следует также учесть, что весьма небольшая по своим размерам Русарамарха явно не была тождественна целому королевству ругов. Со своей стороны А.В. Назаренко предположил, что данный топоним возник благодаря русской торговле. Однако, как уже отмечалось выше, во Франкском государстве марки организовывались на границах в качестве военно-административных единиц и, насколько мне известно, ни разу не назывались по имени народов, с которыми франки имели исключительно торговые отношения. В «Одиссее варяжской Руси» мною было показано, что часть сведений, связанных с русами в западнославянской среде, относится к племени варнов, один из правителей которого, упомянутый в качестве короля русов, жил до эпохи Карла Великого. Поскольку при описании событий VI в. византийский историк Прокопий Кесарийский отмечал, что «варны осели на севере от реки Истра и заняли земли, простирающиеся до северного Океана», то есть Балтийского моря, рассматриваемая Русская марка вполне могла быть следом существования державы варнов.

Некоторые более поздние источники также упоминают каких-то русов примерно в этом регионе. Английский автор XII в. Бенедикт из Питерборо под 1189 г. в числе народов Свя-

щенной Римской империи рядом с «альпинами» называет «рутонов». Однако рутенами западная латиноязычная традиция неоднократно называла русов. В сочинении этого же автора приведено и послание Фридриха I Саладину, в котором в числе крупнейших владений империи последовательно названы Богемия, Австрия, Фрисция, Рутония и «часть Иллирика». А.Г. Кузьмин отождествляет Фрисцию с Каринтией, а Рутонию – со Штирией, бывшей римской провинцией Верхний Норик. По его мнению, только об этой территории могла идти речь в начале XIII в., когда Фридрих II предъявил претензии австрийскому герцогу, задержавшему подарки от «герцога России»[9]. Понятно, что этим отождествлением данный исследователь вновь пытается перекинуть мостик между норцами ПВЛ и данными западноевропейской традиции.

Следующим средневековым документом, где упоминаются русы, является «Раффельштеттенский таможенный устав», утвержденный восточнофранкским королем Людовиком IV между 902 и 907 гг. В нем предусматривается взимание пошлины с иноземных купцов, прибывающих в Восточную Баварию: «Славяне же, отправляющиеся для торговли от ругов (de Rugis) или от богемов, если расположатся для торговле в каком-нибудь месте на берегу Дуная или в каком-либо месте у роталариев (in Rotalariis) или реодариев…»[10] Следует обратить внимание, что в начале устава отмечалось, что указанные в нем нормы восстанавливают справедливые пошлины, существовавшие во времена Людовика II Немецкого (840–876) и Карломана (876–880). Данный документ был предметом неоднократного обсуждения, и А.В. Назаренко, издавший его последний перевод, убедительно обосновал мнение, что под ругами его составители понимали именно киевских русов. Весьма показательно, что размер пошлины определяется в скотах (scoti) – восточнобаварской денежной единице, вес которой и название было заимствовано из др. – рус. *скотъ,* «деньги»[11]. Единственным точным метрологическим соответствием скоту оказывается древнерусская ногата. Данное обстоятельство предполагает как весьма устойчивые русско-баварские торговые связи, возникшие явно до X в. (А.В. Назаренко отнес их к середине – второй половине IX в.), так и то, что посещавшие Баварию русские купцы говорили по-славянски.

Следы русов встречаются и в Чехии. Козьма Пражский (ок. 1045–1125) в своей «Чешской хронике» отмечал, что аббатиса Мария, родная сестра чешского князя Болеслава II, правившего с 967 по 999 г., отправилась на богомолье в Рим и привезла оттуда брату письмо от папы Иоанна XIII (965–972). В нем римский папа разрешал основать в Праге епископскую кафедру и женский монастырь, сопроводив это показательной оговоркой: «Однако ты выбери для этого дела не человека, принадлежащего к обряду или секте болгарского или русского народа, или славянского языка…»[12] Поскольку грамота в оригинале не сохранилась, оппоненты считают либо все послание, либо только данный фрагмент поздней вставкой конца XI в., заявляя, что в 967 г. не было никаких оснований говорить о какой-либо «секте» русского народа, проводящего богослужение на славянском языке. Однако для подобного гиперкритицизма нет особых оснований. Хоть крещение Руси и произошло в 988 г., однако уже в договоре с Византией Игоря в 945 г. упоминается христианская община в Киеве, причем включение упоминания о ней в текст международного договора свидетельствует о ее значимости. Более того, целый ряд данных указывает на достаточно тесные связи киевских христиан именно с чешско-моравским регионом. Большинство трупоположений первой половины X в. в Киеве находят себе полные аналогии в могильниках Моравии[13]. Великоморавское происхождение имеет и одна группа древнерусских крестов, причем один из них был найден в Новгороде в слоях 70—80-х годов X в., а второй крест, найденный в том же городе, датируется концом этого столетия[14]. Концом X в. датируются аналогичные кресты и с городища Заречье Киевского Поднепровья[15]. Уже упоминавшийся выше «Раффельштеттенский таможенный устав», описывавший реалии как минимум первых годов X в., если не второй половины предшествующего столетия, говорит о славянских купцах, отправлявшихся «от ругов или от богемов», в чем исследователи видят

указание на то, что путь русских купцов лежал через Чехию. Лично побывавший в 960–980 гг. в Центральной Европе еврейский купец Ибрагим ибн-Якуб так писал о Праге: «Приходят к нему из города Кракова русы и славяне с товарами…»[16] А.В. Назаренко предположил, что торговый путь русов через Прагу сложился на рубеже IX – X вв. вследствие появления в Паннонии венгров. Согласно свидетельству восточного автора Ибн Хордадбеха, первая редакция сочинения которого датируется 846 г., русские купцы в мусульманском мире «выдают они себя за христиан»[17]. Если же прибавить ко всему этому «евангелие и псалтирь, написанные русскими письменами», найденные Кириллом в Херсонесе в 861 г., то есть за целых сто лет до папского письма, то мы увидим, что в присутствии русских христиан в Чехии нет ровным счетом ничего невероятного. Следует также отметить, что сам текст папской грамоты об учреждении в Праге епископии «не согласно обрядам народа Болгарии или Руси» приведен под 967 г. и у «Саксонского анналиста» – хронике, написанной около 1150 г.[18] В немецкой поэме XIII в. Вернера Садовника «Крестьянин Гельмбрехт» русы и чехи упоминаются вместе, притом в бытовом контексте: «Так убирайся без помех, Русин (Ruz) или зловредный чех»[19].

Однако ряд более поздних источников указывают на то, что русы присутствовали в этом регионе еще до папского письма и отнюдь не в качестве приезжих купцов. Проделавший огромную работу по их сбору и переводу на русский язык А.Г. Кузьмин отмечал, что моравские хроники до нашего времени не сохранились, но в XIV–XV вв. их еще знали и на них ссылались. Чешская хроника Пулкавы конца XIV в. включает в состав Моравии времени Святополка, умершего в 894 г., «Полонию и Руссию». Действительно, Силезия и Краков признавали над собой верховную власть моравского князя. Что называется «Руссией» в данном источнике неясно. В середине XV в. историк Эней Сильвий, будущий папа Пий II, утверждал, что моравский князь подчинил Римской империи, помимо Полонии и Богемии, также «Хунгаров» (венгров) и «Руссанов». Бенуа де Сент-Мор в «Хронике герцогов нормандских» (ок. 1175) называет рядом «рогов и унгров». Поскольку ругами латиноязычные источники называли как славянское население острова Рюген, так и киевских русов, то под рогами, скорее всего, имеются в виду также русы. В несколько более позднем французском романе «Ипомедон» в перечне стран названы рядом «Руссия» и «Алемания» (Германия). В романе «Октавиан» (между 1229–1244) последовательно называются Алемания, Руссия, Венгрия. Когда в составе Германской империи примерно в бывших границах Великой Моравии воссоздается «королевство Богемия», то Мельхиор Гольдаст (ум. 1635) со ссылкой на архидьякона Тульнского (город на правом берегу Дуная близ Вены) Франциска из Розьери говорит о включении в состав Богемии «рутенов и полонов» (поляков). У чешского хрониста Хагеция (ум. 1552) он же выписывает указание на то, что Генрих IV, возводя в королевское достоинство Братислава II (ок. 1086), подчинил ему трех маркграфов (правителей пограничных областей – марок): силезского, лужицкого и «русского», подчеркивая при этом, что «Русия» и прежде входила в состав Моравского королевства. Наконец, в поздних хрониках упоминается «русский боярин», крестивший первого чешского князя-христианина Борживоя в эпоху все того же Святополка. Современные исследователи датируют это крещение 882–884 гг. Из «Хроники всего света» польского автора Мартина Бельского этот сюжет попадает на страницы хронографа Западнорусской редакции, где говорится, что «Святоплуг, моравский кроль… в то время держал Русские земли»[20]. В «Прибавлении» к «Деяниям императора Фридриха», написанным средневековым германским автором Рахевином, под 1166 г. отмечено: «Там чешский король представил пред его очи (германского императора Фридриха Барбароссы. – *М.С.*) кого-то из мелких русских королей, подчинив сего его (императора) власти»[21]. Кем был этот русский король, неизвестно, а предположения некоторых историков о том, что это был один из древнерусских князей, представляют собой лишь догадку.

Собранные А.Г. Кузьминым сведения можно дополнить. В 1852 г. при ремонте подвала одного из домов в чешском селе Кралск был случайно обнаружен подземный склеп с погре-

бальными урнами и двумя камнями со сделанными на них надписями. На одном из камней кириллицей была высечено слово «РУСИЧ» (рис. 2).

Рис. 2. Надпись «РУСИЧ» на камне из чешского села Кралск. Источник: Громов Д.В., Бычков А.А. Славянская руническая письменность. М., 2005

Находку осмотрел чешский археолог В. Кролмус, а впоследствии и еще несколько человек, сделавших по его просьбе свои прорисовки надписей, что существенно снижает возможность мистификации[22]. Если данная надпись подлинная, то это означает, что кто-то из русов жил в этом регионе. Был ли он местным жителем или приезжим купцом, неизвестно, но в первом случае надпись должна была быть сделана достаточно рано, в эпоху после Кирилла и Мефодия и до внедрения в Чехии латинского алфавита.

Кроме того, в ряде чешских родов (Дрславичей, Рыжмберков, Черниных) в XI и последующих веках было в ходу имя или прозвище Рус. А.В. Флоровский считает, что первоначально оно едва ли имело этническое значение и могло обозначать русого в противопоставлении черному, однако в случае использования его в качестве обозначения цвета едва ли оно ограничилось только этими родами, и мы вправе ожидать его гораздо более широкого распространения. Русское происхождение приписывается роду Рыжмберков, а знаменитый моравский дом Жеротинов вообще претендует на родство с русскими князьями[23].

Некоторые свидетельства из других регионов также говорят в пользу того, что какая-то часть русов могла находиться на территории Великой Моравии. В поэме ***XII в.*** «Фольк из Кандии» Ганита Прекрасная получает в удел ***Русь*** и «аморавов». В отсутствие отца она сдает город франкам и принимает крещение[24].

Если поэма может допускать достаточно вольное изложение данных, то свидетельством совсем другого вида является «Армянская география VII века», первоначально приписывавшаяся Моисею Хоренанцу. Следует отметить, что это достаточно непростой источник, по поводу происхождения текста которого специалисты к окончательному согласию пока не пришли. Тем не менее он был создан в эпоху Средневековья, а трудности текстологического анализа едва ли являются достаточным основанием замалчивания приведенных в нем сведений. В первом русском издании 1809 г. «Армянской географии» содержалось весьма интересное примечание: «Германия к востоку граничит с Францией и простирается от Северного Океана до Сарматских гор и реки Дуная, что у россиян Иозою называется. Она впадает в Понт и величиною превышает Дон». Ф. Святный сопоставил данное название с Иезавой – впадающим в Дунай рукавом Северной Моравы, равно как и слав. jaz – «бездна», jazni – «бездонный, глубокий». Однако уже во втором издании «Армянской географии» на русском языке в 1877 г. туземный норманист К.П. Патканов поспешил объявить данный фрагмент поздней вставкой IX–X вв. и на этом основании исключил его из текста[25]. Из более поздних исследований данного памятника следует упомянуть мнение С.Т. Еремяна, считавшего, что «Армянская география» воспроизводит карту мира рубежа VI–VII вв., и зарубежного исследователя Маркварта, который на основании большего круга источников меньше всего допускал включение в ее текст позднейших интерполяций, а само произведение датировал серединой VIII в.[26] Современные исследователи датируют это географическое сочинение второй половиной VII в.[27] Как видим, первоначальное русское название Дуная находит свою ближайшую аналогию в Моравском регионе бассейна этой реки. Корень этого русского названия Дуная может быть сопоставлен с рус. **яз**, диал. **ез**, др. – рус. **ѣзъ**, блр. **яз**, укр. **яз**, **із**, болг. **яз**, др. – чеш. jez – «запруда, закол для ловли рыбы», «запруда, плотина», «запруда, шлюз», с.-х. jаз – «отводной канал рядом с мельничной запрудой», слвц., польск., полаб. jaz – «канал». Понятно, что значение плотины, шлюза или канала данный корень приобрел впоследствии, и лингвисты считают, что праслав. jezъ является родственным лит. eze (ezia) – «межа, край, граница, грядка», «мелководье в заливе у берега», лтш. eza – «грядка, межа», арм. ezr – «берег, граница»[28]. Но если первоначальным значением русского названия Дуная была «граница», а именно такой семантикой обладает образ данной реки в отечественном фольклоре, то оно могло возникнуть в самый ранний период расселения славян в данном регионе, когда Дунай действительно являлся границей между Римской, а впоследствии и Византийской империей и варварским миром. Таким образом, данное название указывает на появление русов на Дунае во время начального славянского расселения.

Точно так же есть немало свидетельств и о пребывании русов на территории Венгрии. Под 1031 г. немецкие «Хильдесхаймские анналы», рассказывая о встрече германского императора с венгерским королем Иштваном, отмечают: «И Имре, сын королем Иштвана, герцог Руси (dux Ruizorum), погиб плачевной смертью, растерзан на охоте вепрем»[29]. Данное загадочное сообщение вызвало к жизни массу гипотез. Предполагалось, что никакого русского герцогства в этой стране не было, а Имре был главой русского наемного корпуса. Действительно, более поздние источники упоминают в этой стране вооруженную стражу, состоявшую из русов: «Вслед за договором 1102 г. с Польшей Святополк Изяславич скрепил в 1104 г. свой союз с Венгрией, выдав дочь Предславу “в Угры за королевичъ”, т. е., видимо, за герцога Альмоша, близкого родственника Коломана. Поздняя традиция связывает с именем этого короля появление русского отряда королевских телохранителей – “русских (его) королевского величества” (Rutheni Regiae Majestis), которые были поселены в Оросфале; оставаясь лично свободными людьми, они охраняли входы и ворота королевской резиденции. Если это правдоподобное известие верно, то можно предполагать, что с потерей “русского корпуса” Византией он появился в Венгрии»[30]. Предположение о русских наемниках может объяснить появление

отдельных «русских» топонимов в Венгрии, однако «русский герцог» в этой стране упоминается в немецкой хронике еще до появления там русского корпуса и, следовательно, с этим событием не связан. Кроме того, в Житии Конрада, архиепископа Зальцбургского (XII в.), около ***1127 г.*** упомянуто о посольстве австрийского герцога к венгерскому королю, «который тогда находился в марке ***рутенов***»[31]. Следовательно, в составе Венгерского королевства все-таки имелась какая-то территориальная единица, называвшаяся «русской». Однако по поводу того, где именно она располагалась, опять-таки высказывались самые разные мнения. Одни исследователи располагали ее на востоке, полагая, что Русской маркой была населенная русскими территория Прикарпатья, попавшая под власть венгров. Другие считали, что русы жили в Паннонии еще до прихода венгров либо венгры в своем движении на запад при прохождении южнорусских территорий увлекли с собой какую-то часть русского населения, а места, где они поселились, и стали этой маркой. Действительно, русское население Венгрии было довольно многочисленным, что отразилось даже в средневековой топонимике, и письменные источники упоминают там Великий Русский Город (Nagy Orosz-var), Великороссы (Nagy Oroszi) и Малороссы (Kis Oroszi)[32]. А.В. Назаренко отмечает, что русские поселения на венгерской территории известны начиная с X в.[33] Однако проблема заключается в том, что все эти поселения не составляют компактной общности, а разбросаны по всей Венгрии от австрийской границы до Трансильвании. Так, например, сохранилось послание 1242 г. аббата венгерского бенедиктинского монастыря Святой Марии, находившегося «в Руссии», к духовенству Британии. Аббат из Вены сообщал о разорении Подунайских областей татарами. «Руссия», как отмечал А.Г. Кузьмин, здесь прямо включена в состав Венгрии, но речь шла о территориях, расположенных поблизости от Вены[34]. «В долине Муреша выше города Регина (Сасреген) встречаются поселения с мадьярским этниконом “русские” – Оросфалу (Русская деревня), Оросидеч (Русский Деч) и др. Современными венгерскими исследователями учтены мадьярские средневековые этнотопонимы, содержащие самоназвания болгар (28), морован (19), хорватов (23), чехов (36). На долю русов приходится 74, т. е. больше всего»[35]. В венгерском Семиградье в грамоте 1228 г. упоминается гора Ruscia, город Forum Ruthenorum, основанный в начале XIII в., а папская булла 1446 г. говорит о русских как многочисленном и великом народе в Угорщине и Семигородии[36]. Всего же, как подсчитал И. Пич, в Трансильвании с именем Русь связаны названия двадцати пяти населенных пунктов, двадцати семи гор и двух рек. Возможно, определить местонахождение Русской марки в Венгрии способно помочь известие автора середины XIII в. Фомы Сплитского: «В Паннонии на границе (с) Рутенией, (Диоклетиан) воздвиг из порфирита не без роскоши храм…» Как отметил А.В. Назаренко, выражение «на границе с Рутенией» может быть переведено и как Рутенская марка, которую он локализует в междуречье Савы и Дуная. Именно там находился и православный монастырь Святого Димитрия на Саве, в который впоследствии делали вклады галицко-волынские князья[37]. Об этих пожертвованиях сообщается в папской грамоте 1218 г.

Точно так же территорию каких-то русов различные источники фиксируют и южнее Венгрии. «Баварский географ», составленный до 821 г., при перечислении племен к северу от Дуная констатирует: «Атторосы имеют 148 городов, народ свирепейший. Эптарадицы имеют 263 города. Виллеросы имеют 180 городов. Сабросы имеют 212 городов»[38]. Поскольку многие названия встречаются только в этом списке и большинство из них, по всей видимости, искажены, однозначно локализовать все упомянутые племена достаточно затруднительно. Однако название эптарадицев, упомянутых сразу после атторосов, часть ученых понимает как «семь родов» и соотносит их с болгарскими славянами. С локализацией атторосов на Дунае следует сопоставить свидетельство «Франкских анналов» IX в.: «Ободриты, в простонаречии зовущиеся Praedeneceti и населяющие прилежащую к Дунаю Дакию по соседству с болгарами». Что

касается прозвища этих загадочных восточных ободритов, то, по наиболее вероятной гипотезе, франкский летописец передал так славянское словосочетание predьna čedь, «передняя чадь»[39]. Это позволяет отождествить атторосов «Баварского географа» и дунайских ободритов «Франкских анналов». В пользу этого говорят не только географическое и хронологическое совпадения. В мекленбургских генеалогиях Аттавас считался вторым мифологическим предком ободритских князей, а с самой территорией данного племенного союза связаны известия о варяжской Руси. Таким образом, данная группа русов может быть связана с переселившейся на Дунай частью западнославянского племени, из числа которого впоследствии восточнославянские племена призвали себе варяжских князей.

Годефруа из Витербо в поэме «Пантеон» (конец XII в.) помещает по берегам Дуная «Хунгарию, Рутению, Грецию»[40]. Знаменитый мусульманский географ того же XII в. ал-Идриси наряду с Древнерусским государством знает и другую часть русов, живших по соседству с Венгрией и Македонией: «Русов два вида. Один их вид – это тот, о котором мы говорим в этом месте. А другой их вид – это те, которые живут по соседству со страной Ункариййа и Макадунийа»[41]. Можно было бы заподозрить этого работавшего на Сицилии арабского ученого в плохом знании географии Дунайского региона, однако ряд свидетельств подтверждает эти сведения. В одном из своих писем 1254 г. венгерский король Бела в качестве враждебных Венгрии соседних народов называл «Rutheni, Comani, Brodnici, Russia et Bulgaria»[42]. Команы или куманы – это половцы, а бродники – русское население причерноморских степей, упоминающееся как отечественными, так и византийскими источниками. Один из терминов Rutheni или Russia относился к Древнерусскому государству, а второй явно был употреблен специально, чтобы обозначить какую-то группу русов, отличную от этого государства. Об этом же говорит и переписка германского императора Конрада III сначала с византийским императором Иоанном II, а затем с его преемником Мануилом I. В письме от 1142 г. Конрад среди прочего просит византийского императора о следующем: «Кроме того, что касается русских, которые, оскорбив нашу державу, убили наших людей и присвоили себе наши деньги, то поступи так, как подобает в деле твоего друга и родственника и как писал нам». Последние слова говорят о том, что инцидент уже находился в поле зрения обеих правителей и о нем говорилось в более раннем несохранившемся письме Иоанна II. В ответ византийский император заверяет Конрада: «Относительно происшествия, случившегося на Руси, как ты писал моей державности, я поступил так, как и подобает моей державности в деле своего друга и родственника»[43]. Ответ византийского императора весьма показателен. Из этого письма следует, что речь в переписке идет не просто о какой-то группе русов, которая могла случайно оказаться на землях империи, а о какой-то территории, называвшейся Русью и подвластной на тот момент Византии. Очевидно, что это не была Древняя Русь – едва ли послы германского императора по пути в Константинополь совершали подобный крюк, да и непосредственная юрисдикция Византии на нее не распространялась. Хоть точное местоположение этой Руси определить на основании данной переписки не представляется возможным, однако наиболее вероятное ее нахождение можно установить, если принять во внимание недавнюю предшествующую историю империи. Интересующая нас переписка состоялась в XII в., и до нее источники ни разу не упоминали о находящейся в составе Византии территории Руси. Однако в предшествующем столетии во главе империи оказалась династия Комнинов, сумевших расширить пределы своей державы на север, включив в ее состав часть сербских, венгерских, болгарских земель, и установить границу Византии по Дунаю. Вполне возможно, что в результате этой экспансии в составе империи и оказалась придунайская территория, названная Русью в процитированной переписке. Веком позже данного события географическая карта Лондонской Псалтири второй половины XIII в. помещает на Нижнем Дунае около Венгрии народ Ruscitae, по всей видимости, искаженное «русичи»[44].

Немало следов пребывания русов и на территории Болгарии. В свое время еще П.Н. Третьяков отметил, что «несомненный интерес представляет группа наименований, происходящих от наименования рос – русь и локализующихся в Северо-Восточной Болгарии и Южной Добрудже. Это – селение Рассава и город Русе на правом берегу Дуная и река Росница, приток Янтра, впадающего в Дунай несколько выше г. Русе»[45]. Археологические раскопки на городище Стырмен в округе Русе показали, что славянская керамика появляется там в 540 или 599 г.[46] Отдельные находки позволяют даже конкретизировать тот регион славянского мира, откуда прибыло новое население: «Здесь, на левом берегу Дуная, встречаются пальчатые фибулы днепровского типа, что соотносится с городом на Дунае – Русе. Сочетание историко-топонимических данных XI–XIII вв. с археологическими VI–VII вв. позволило нам углубить проблему происхождения Руси на три-четыре столетия от Киевской Руси»[47]. Впоследствии В.В. Седов отмечал: «Пальчатые фибулы с маскообразной головкой и их дериваты являются, как уже было отмечено, характерным этнографическим украшением антов. Помимо пеньковского ареала, они широко распространены в Нижнем Подунавье, где проживание антов документировано историческими свидетельствами. Из основного региона антов эти фибулы распространились в Среднее Подунавье и на Балканский полуостров и далее на Пелопоннесский полуостров. Все это – надежные следы расселения антов и их потомков»[48]. С этими археологическими находками соотносится и одно известие ПВЛ об основателе Киева. Полемизируя с версией о незнатном происхождении Кия, летописец отмечает: «аще бо бъı перевозникъ Кии. то не бъı ходилъ Цр҃югороду но се Кии кнѧжаше в родѣ своємь. [и] приходившю єму ко цр҃ю. ѥкоже сказають. ѥко велику честь приѥлъ [есть] ѿ цр҃ѧ. при которомь приходивъ цр҃и. идущю же єму ѡпѧть. приде къ Дунаєви. [и] възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ [и] хотѧше сѣсти с родомъ своимъ и не даша єму ту блїзь живущии. єже и донъıнѣ наречють Дуици городище Киевець. Киеви же пришедшю въ свои градъ Києвъ. ту животъ свои сконча»[49] – «Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А этот Кий княжил в роде своем, и ходил он к царю, и, как говорят, великих почестей удостоился тогда от царя, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он к Дунаю, и облюбовал место, и срубил городок небольшой, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему живущие окрест; так и доныне называют придунайские жители городище то – Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и окончил жизнь свою». Точное время жизни Кия тоже неизвестно, однако достаточно большое количество исследователей относят ее к VI в. Хоть дунайский Киевец однозначно локализовать пока не удалось, однако, если он находился в зоне русской топонимики Нижнего Дуная, это косвенно свидетельствует, что поляне достаточно рано стали называться русами. Необходимо также отметить и то, что названия отдельных славянских племен Болгарии, таких как смоляне, драговиты и северы, имеют свои аналоги на территории Восточной Европы, и не оставляет сомнения то, что по крайней мере часть славян переселилась на Балканы именно из этого региона. Название последнего племени особенно интересно, поскольку ниже будет показано, что восточнославянское племя северян входило в состав «Русской земли» в узком смысле слова. В этой связи весьма показательно, что помимо русской топонимики в Болгарии зафиксировано также племя северов, которое упоминается в византийских письменных источниках в связи переселением кочевников-булгар на Балканы в 680 г.: «Когда же они овладели также из находящихся поблизости славянских племен так называемыми “Семью родами”, они поселили северов от передней теснины Верегава к районам на восток…»[50] Интересно отметить, что связанная с северянами топонимика, по мнению О.Н. Трубачева, есть и на Дунае: венгерские топонимы Szdreny, Szdrenyseg в Восточной Баната и румынское Turnu-Severin, название города у Железных ворот, отделяющих Средний Дунай от Нижнего Дуная[51]. Наконец, именно на Нижнем Дунае помимо Русы располагались города Хорсов, Новград, Гюргев, Тутракан,

Чернград и Преслав, названия которых весьма похожи на названия древнерусских городов. Археологические материалы показывают, что все они возникли до X – XI вв.[52]

Следует отметить, что в Никоновской летописи, автор которой использовал какие-то не дошедшие до нас источники, содержится подробность, отсутствующая в ПВЛ, по поводу разногласий, которые возникли среди племен севера Восточной Европы перед призванием Рюрика с братьями: «Поищемъ межь себе, да кто бы въ насъ князь былъ и владѣлъ нами: поищемъ и установимъ таковаго или отъ насъ, или отъ Казаръ, или отъ Полянъ, или отъ Дунайчевъ, или отъ Варягъ»[53]. Как видим, в качестве возможных кандидатов рассматривались выходцы из разных племен, в том числе загадочные «дунайцы». Если само их название достаточно прозрачно говорит хотя бы об их приблизительном местоположении, то относительно их этнической принадлежности этого сказать нельзя. Однако в списке они размещены между полянами и варягами, а оба этих племени не только принадлежали к славянскому миру, но, как свидетельствует отечественное летописание, связывались с Русью. Поскольку, как было показано в «Одиссее варяжской Руси», русы находились на землях ильменских словен еще до призвания Рюрика, можно предположить, что дунайцами в этом тексте именуется какая-то из групп русов на Дунае. Если это так, то данное летописное сообщение показывает не только существование русов на этой реке еще до призвания варягов в 862 г., но и то, что конфедерация северных племен знала об их существовании.

К этому же региону относится «Список русских городов дальних и ближних» XIV в. Его составитель особо выделил восемь групп городов и отнес к первой группе богарские и молдавские города («А се болгарскыи и волосскии гради»), причем сначала перечисляются города, расположенные за Дунаем, а затем молдавские города севернее Дуная. В Новгородской и Воскресенской летописях данный список приводится в следующем виде: «А се имена всѣм градом рускым, далним и ближним: На Дунаи: Видычев град, о седми стенах каменных; Мдин. И об ону страну Дунаа: Тернов, ту лежит святаа Пятница. А по Дунаю: Дрествин, Дичин, Килиа. А на усть Дунаа: Новое село, Аколякра. На море: Карна, Каварна. А на сеи сторонѣ Дунаа, на усть Днѣстра над морем: Бѣлгород, Чернъ, Яськыи торгъ на Прутѣ рѣцѣ, Романовъ торгъ на Молдовѣ, Нѣмѣчь в горах, Корочюновъ каменъ, Сочява, Серетъ, Баня, Чечюнь, Коломыя, Городокъ на Черемошѣ. На Днѣстрѣ Хотѣнь»[54]. Включение болгарских городов в данный список различные исследователи объясняют то последствием движения антов к Дунаю, то как результат войн Святослава, то некогда проходившими там южными границами Галичского княжества, то как следствие присутствия значительного количества русских в этих городах, то как личные амбиции митрополита Киприана, не имевшие под собой никакого исторического обоснования. С последним мнением вряд ли можно согласиться, поскольку еще в 1116 г. великий князь Владимир Мономах «посла Ивана Воитишича, и посажа посадники по Дунаю»[55]. Показательны и известные слова Святослава, сказанные им в 969 г.: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей…» Понятно, что это было сказано после первого успешного балканского похода, когда, как отмечает летописец, киевский князь завоевал восемьдесят болгарских городов на Дунае. Однако появление у Святослава идеи о перенесении столицы Руси на Дунай могло быть обусловлено не только успехами его оружия, но и тем, что в данном регионе уже присутствовало какое-то русское население, наличие которого могло стать дополнительным фактором при переносе столицы. Отмечают русское присутствие в этом регионе в более поздний период и некоторые иностранные источники. При описании четвертой секции VI климата ал-Идриси определяет его как «область Руманиййа (Византийской империи. – *М.С.*), земля Маказуниййа (Македония. – *М.С.*) и некоторые из наиболее отдаленных городов (страны) ар-Русиййа». Описывая маршрут «Варна – Константинополь», он отмечает: «Масийунус – многолюдный город. Там находится русская управа». Современные исследователи отождествляет этот топоним с болгарским городом Шуменом, а управу понимают как

купеческое подворье. В этом же разделе при описании Болгарии и Польши встречается еще одно интересное примечание: «От Бармуни до Галисиййа двести миль. Бармуни и Галисиййа принадлежат к стране ар-Русиййа»[56]. Последний город почти всеми исследователями понимается как Галич на Днестре, по поводу локализации первого города существуют разногласия. И.Г. Коновалова отождествляет его с Пятрой, которая в «Списке русских городов дальних и ближних» фигурирует под названием Корочюнов камень. Арабский ученый XIV–XV вв. Ибн Халдун, оставивший описание карты ал-Идриси, дважды подчеркивал в своем сочинении, что Русь и Болгария лежат на побережье Черного моря и имеют общую протяженную границу, причем «Русь окружает страну бурджан» с запада, севера и востока[57].

Однако самым ранним свидетельством пребывания русов в данном регионе являются не Русская марка грамоты Людовика Немецкого и даже не археологические данные о заселении славянами той части Болгарии, где фиксируется русская топонимика, а Певтингерова карта. По мнению специалистов, она была создана в первые века нашей эры (различные ученые датируют ее в диапазоне от I до V в., наиболее обоснованным представляется мнение о III в., поскольку на ней еще не указаны готы) и отражает географические реалии в эпоху поздней Римской империи. Поскольку на ней дважды указаны венеды, карта достаточно рано привлекла к себе внимание историков, занимающихся изучением ранней истории славян. Однако помимо этого на ней указан населенный пункт Русидава (Rusidava) (рис. 3). Сама карта очень сильно вытянута с запада на восток, известные географические объекты подчас заметно смещены относительно друг друга и иной раз изображены в разных масштабах. Все это очень сильно затрудняет идентификацию на ней неизвестных объектов, однако в любом случае интересующее нас название расположено к северу от Дуная на территории современных Румынии или Венгрии. Согласно проекту Omnes Viae: Roman Routeplanner (a reconstruction of an antique Roman map with internet technology), Русидава находится в окрестностях современного румынского города Драгошани на берегу реки Олт. Примерно в этом же регионе локализовал ее и болгарский исследователь И. Дуриданов (рис. 4). Если исходить из румынской локализации, то в относительной близости от этого места находится как болгарский город Русе, так и упоминавшаяся в «Списке русских городов дальних и ближних» Пятра.

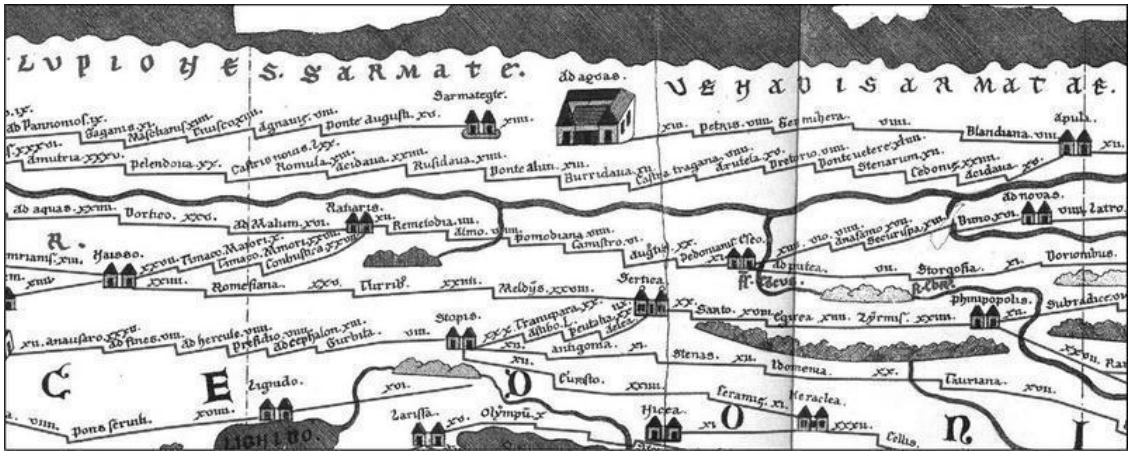

Рис. 3. Русидава на Певтингеровой карте III в. н. э.

Рис. 4. Карта фракийских топонимов И. Дуриданова. Источник: Дуриданов И. Езикът на Траките. София, 1976

Впрочем, не исключена и ее более западная локализация на территории современной Венгрии. На самой карте Русидава указана примерно посередине между лугиями-сарматами (слегка искаженное Lupiones Sarmate) и венедами-сарматами (Venadi Sarmatae), но чуть ниже. Оба этих названия целым рядом выдающихся ученых связываются именно со славянами. Луги традиционно отождествляются с лужицкой археологической культурой, а венедо-сарматы изображены на карте северо-западнее Бастарнских Альп, которые уверенно соотносятся с Карпатами[58]. На основании комплексного изучения имеющихся фактов выдающийся чешский ученый Л. Нидерле пришел к следующему выводу: «Итак, уже сами исторические источники определенно упоминают славян на Дунае по крайней мере начиная с III века»[59].

Если исходить из локализации современными учеными лугиев-сармат и венедов-сармат Певтингеровой карты, то Русидава должна располагаться где-то напротив впадения в Дунай Дравы и Савы. В том случае, если верна венгерская локализация, то вполне возможно сблизить ее с Рутенской маркой, которую Фома Сплитский относил к эпохе Диоклетиана (284–305 н. э.), то есть практически ко времени наиболее вероятного создания Певтингеровой карты.

Выше мы видели, что относительно недалеко от Русской марки немецкой грамоты 863 г. фиксируется славянская топонимика. Есть ли какие-нибудь данные, указывающие на раннее присутствие славян в том регионе, где локализуется Русидава, и в ту же эпоху? Такие данные имеются. Во-первых, как уже говорилось, как лугии, так и венеды на данной карте связываются с ранними славянами. Во-вторых, на самой Певтингеровой карте обозначен ряд топонимов, которые исследователи объясняют как славянские (рис. 5). Легко заметить, что их область совпадает как с предложенной А.В. Назаренко локализацией Рутенской марки Фомы Сплит-

ского, так и с обоими возможными локализациями Русидавы как в Венгрии, так и в Румынии. В высшей степени показательно, что в академическом издании относящихся к славянам данных Певтингеровой карты в первом томе «Свода древнейших письменных известий о славянах», утвержденном к печати Институтом славяноведения и балканистики РАН, Русидава не упомянута ни разу, даже в качестве топонима, имеющего предположительное отношение к славянам. Понятно, что при подобном подходе к публикации среди исторических источников не окажется ни одного, который доказывал бы существование русов или связанной с ними топонимики до эпохи викингов. Впрочем, подобное замалчивание органично вписывается в основное направление данного сборника, составители которого в своих комментариях постарались поставить под сомнение значительную часть ранних известий о славянах. В-третьих, еще в 1792 г. около Тисы был найден золотой сосуд с загадочной надписью, сделанной греческими буквами: ΒΟΥΑΔ. ΖΟΑÐΑΝ. ΤΕCΗ. ΔΥΓΗ. ΤΟΙΓΗ. ΒΟΥ. ΤΑΟΥΑ. ΖΩΑΠΑΝ. ΤΑΓΡΟΓΗΤΖΙΓΗ. ΤΑΙCΗ[60]. Поскольку эти слова не имеют никакого смысла ни на греческом, ни на латинском языках, очевидно, что она была сделана обитавшими к северу от границ Римской империи варварскими племенами. Еще приведший эту надпись в своей книги П.Й. Шафарик обратил внимание, что в ней дважды упоминается славянский титул «жупан» и, следовательно, она могла быть сделана славянами. Если это так, то тогда данная надпись относится к тому чрезвычайно раннему периоду, когда, по свидетельству Черноризца Храбра, славяне пытались записывать свою речь греческими и латинскими буквами «без устроения».

Рис. 5. Славянские топонимы Певтингеровой карты (обозначены точками с цифрами), отмеченные составителями первого тома «Свода древнейших письменных известий о славянах». Источник: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991

Очевидно, что в подобном случае без значительного числа ошибок было не обойтись. Кроме того, в предпоследнем слове этот же исследователь увидел название тагров и язигов – двух ираноязычных сарматских племен. Языги в различное время локализуются от Азовского моря до среднего течения Дуная, что же касается первого племени, то вот что о нем сообщает великий греческий географ К. Птолемей во II в. н. э.: «Ниже бастарнов около Дакии – тагры»[61]. Немного ранее находившийся в данном регионе в ссылке поэт Овидий отмечал, что ближайшими к римским владениям в Дакии землями владеют бастарны и савроматы. Поскольку после гуннского нашествия тагры и языги исчезают со страниц исторических источников, надпись эту можно датировать временем не позднее IV в. н. э. Первое и шестое слова загадочной надписи содержат одинаковый корень. Поскольку в первом случае оно поставлено непосредственно перед словом «жупан», а во втором – отделено от него одним словом, можно предположить, что перед нами имя или имена носителя или носителей данного титула. Поскольку в греческом языке нет буквы для обозначения звука *б*, в их письменности он передавался через букву *в*, то эти имена в равной степени могли звучать как Войад и Вой или как Бойад и Бой. В книге «Забытый прародитель человечества» мною было показано существование у наших предков мифа о Бое как первопредке, и перед нами, возможно, одна из древнейших письменных фиксаций этого славянского имени. Таким образом, данная надпись свидетельствует в пользу весьма раннего присутствия славян в интересующем нас регионе примерно от Тисы до низовьев Дуная. В-четвертых, изучение личных имен и имен божеств, зафиксированных среди варваров-наемников в Римской империи, позволило установить славянское происхождение паннонских племен варцианов и котинов[62]. В-пятых, ряд исследователей неоднократно высказывали мнение, что славяне попали в Дунайский регион во время существования черняховской культуры. Г.Б. Федоров и Л.Л. Полевой полагают, что на Карпато-Дунайские земли славяне попали уже в первые века нашей эры в составе носителей черняховской культуры[63]. О том, что они находились в этом регионе и в гуннское время, свидетельствует сочинение Приска, зафиксировавшего в этих землях в 448 г. несколько славянских слов.

Таким образом, топоним Русидава, если исходить из ее паннонской локализации, равно как и то, что позднее эта территория именовалась Рутенской границей, или Рутенской маркой, показывает, что русы были в числе самых первых славян, зафиксированных письменными источниками на Среднем Дунае. Что касается второго корня, то его следует сопоставить с фракийским dava – «город», неоднократно встречающимся в качестве второго компонента в балканской топонимике, как то: Акидава, Бурридава, Пербуридава, Сакидава и т. п.[64] Таким образом, буквальным значением названия Русидава является «город русов», и в этом отношении оно становится несомненным свидетельством весьма раннего пребывания части русов в данном регионе. Поскольку достоверность Певтингеровой карты как исторического источника не ставится специалистами под сомнение, систематическое игнорирование указанной на ней Русидавы объясняется лишь стремлением замолчать неудобный факт, согласно которому русы присутствовали на Дунае уже в первые века нашей эры. Понятно, что это обстоятельство не вписывается в очень многие концепции, однако это не является основанием для сокрытия отмеченной римским картографом информации. На границе с Германией связанное с русами административно-территориальное образование фиксируется на следующий год после призвания варягов, вполне возможно восходя к эпохе Карла Великого. Уже два этих факта убедительно свидетельствуют о несостоятельности как норманистской, так и ряда других гипотез о происхождении названия русов.

Глава 2. Карпатская Русь

Достаточно давно было отмечено, что славянское население Карпат западные источники называют русинами. На первый взгляд это объясняется достаточно просто. Когда часть бывших древнерусских земель попала под власть Венгрии, их жители в память об их былой принадлежности стали называться русинами. Само это слово встречается как в договоре 911 г., так и в Русской Правде. Как отмечают лингвисты, слово ***русин*** не должено иметь множественного числа, однако впоследствии оно образуется: впервые слово «русинове» встречается в уставной грамоте Белзского воеводства 1501 г. применительно к Волыни и позже дает форму ***русины***[65].

Однако комплексный анализ источников показывает, что в действительности все обстояло сложнее. Венгерский хронист XIII в. Шимоном Кезаи, основываясь на несохранившихся до наших дней «Деяниях венгров» 1060-х гг., отмечает, что с русской топонимикой венгры встретились еще в момент переселения на свою новую родину при пересечении Карпат: «Итак… в год от Воплощения Христова 872-й гунны, или венгры, снова войдя в Паннонию, прошли королевство бессов, белых половцев и город Киев и потом остановились на реке Уж… Именно этот Арпад со своим родом первым проник через Русские Альпы (Ruthenorum Alpes) и первым разбил свой лагерь на реке Уж…»[66] Проход венгров мимо Киева в 898 г. отмечает и отечественная летопись. Поскольку в те годы власть первых русских князей так далеко на запад не распространялась, то название венгерским хронистом Карпат Русскими Альпами применительно к столь ранней эпохе представляет несомненный интерес. Теоретически это название могло существовать как во время прохода венгров на свою новую родину, так и появиться позднее, во время составления хроники. Однако сохранившиеся данные восточных авторов однозначно свидетельствуют в пользу первого варианта. Среднеазиатский ученый ал-Хорезми в своем географическом сочинении, написанном между 836–847 гг., отмечал, что река Др. ус (Днепр?) берет начало с Русской горы (Джабал рус). В анонимном географическом трактате второй половины X в. также упомянута Русская гора, расположенная на север от внутренних булгар[67]. Хоть А.П. Новосельцев понимал под последними волжских булгар, однако единственный случай более раннего упоминания «внутренних булгар» в мусульманской литературе встречается у ал-Истархи, у которого он относится к дунайским болгарам. Поскольку к авторам из далекого мусульманского мира приходила информация в первую очередь о наиболее крупных географических объектах, весьма вероятно, что Русской горой являются Карпаты. Необходимо подчеркнуть, что данное название, зафиксированное ал-Хорезми еще до призвания варягов, красноречиво свидетельствует о наличии данного племенного названия в Восточной Европе вне зависимости от заморских пришельцев. Неудивительно, что в составленной норманистами пятитомной хрестоматии сведений зарубежных источников о Древней Руси данные ал-Хорезми были приведены в неполном виде и фрагмент о горе в сочинение не попал.

Не исключено, что эту Прикарпатскую Русь упоминает автор начала XVI в. Мухаммед ибн Ахмед ибн Ийаса ал-Ханафи. С одной стороны, следуя ранней арабской географической традиции, он говорит об острове русов: «Описание страны русов. Они большой народ из турок. Страна их граничит со славянами. Они (живут) на острове, окруженном озером, и он подобен крепости, защищающей их от врагов. И привозят от них желтую медь в Индию и Китай. Есть у них царь, сидящий на золотом троне». Однако в другом месте у этого же автора встречается совсем другой описание Руси: «Страна русов. Это большая и обширная земля, и в ней много городов. Между одним городом и другим большое расстояние. В ней большой народ из язычников. И нет у них закона, и нет у них царя, которому бы они повиновались. В земле их золотой рудник. В их страну не входит никто из чужестранцев, так как его убивают. Земля их окружена горами, и выходят из этих гор источники проточной воды, впадающие в большое

озеро. В середине высокая гора, с юга ее выходит белая река, пробивающая себе путь через луга к конечному морю мрака, затем текущая на север Русийи, затем поворачивающая в сторону запада и больше никуда не поворачивающая»[68]. Легко заметить разницу между двумя описаниями: если в первом говорится об острове, то во втором – о большой и обширной стране, окруженной горами; в первом тексте говорится о царе русов, во втором подчеркивается его отсутствие. Подобные противоречия объясняются тем, что поздние авторы подчас механически соединяли в своих работах данные своих предшественников. Если сюжет об острове русов был хорошо известен в арабской литературе, то описание Руси как окруженной горами страны в ней достаточно редко и ал-Ханафи, по всей видимости, воспользовался каким-то недошедшим до нас источником. Из него же, скорее всего, он включил в описание острова русов добычу там меди и характеристику самих русов как турок. Упоминание убийства чужестранцев восходит к сообщениям об Арте-Арсе – третьем загадочном центре русов, однако применительно к нему говорится о добыче свинца или олова, но не меди или золота. В.П. Кобычев предположил, что рекой, текущей к конечному морю мрака, а затем поворачивающей на запада, является Висла. В этом случае данное извести о «горной» Руси следует отнести к Прикарпатью. В пользу этого свидетельствует и неожиданная характеристика русов как турок. Известно, что турками называл венгров как Константин Багрянородный, так и мусульманский писатель Ибн Даста: «Мадьяры эти – тюркское племя»[69]. Характеристика русов как язычников опять-таки говорит о достаточно раннем происхождении данного известия, во всяком случае до 988 г.

Следует также отметить, что Русские Альпы – это не единственное указание на значительную распространенность названия Русь в Карпатах во время переселения этих кочевников на запад. Согласно венгерскому Анониму, по пути на свою новую родину венгры столкнулись со славянами, которые, по их словам, «были выведены из земли Болгарии в порубежье рутенов» предком болгарского вождя Салана, которому они подчинялись в тот момент, по совету неизвестного византийского императора. М.К. Юрасов считает это известие вполне правдоподобным и полагает, что болгарские славяне были поселены в будущей Подкарпатской Руси болгарским ханом Крумом после оккупации им в 805 г. Трансильвании и некоторых соседних с ней территорий. Поскольку западной границей «Русской земли» в узком смысле считается река Горынь, то по поводу выражения «порубежья рутенов» этот исследователь предположил, что в данном случае венгерский Аноним имел в виду ареал расселения южных этнических групп восточного славянства, общим именем которых был этноним «русь»[70].

Нет полной ясности и в вопросе о времени переселения мадьяр на свою новую родину. Следует отметить, что некоторые источники упоминают более раннюю, по сравнению с древнерусской летописью или даже венгерской хроникой, дату появления венгров в Европе. Продолжатель Георгия Амартола отмечает присутствие венгров на Дунае уже в конце 830-х гг. «Бертинские анналы» под 862 г. сообщают, что неведомый дотоле народ угров совершил опустошительный набег на владения Людовика Немецкого[71]. М.К. Юрасов полагает, что первым упоминанием о венграх в Причерноморье являются косвенные данные об их участии в конфликте 811 г. между византийцами и болгарами[72]. Следует отметить, что ряд современных исследователей связывает именно с появлением венгров в Европе указание тех же самых Бертинских анналов от 839 г. о послах кагана росов к византийскому императору, речь о которых пойдет ниже, которые не могли безопасно вернуться к себе домой, «так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайно дикости исключительно свирепых народов». Наконец, в 881 г. венгры воюют под стенами Вены против франков на стороне моравского князя Святоплука[73].

В любом случае из отечественной летописи следует, что Карпатский регион был подчинен киевскими князьями позднее переселения венгров на запад. Хоть хорваты и дулебы и участвовали в походе Олега на Константинополь в 907 г., летописец ничего не говорит об их

подчинении великому князю, из чего можно сделать вывод, что они присоединились к походу не в качестве подвластных племен, а как союзники. Согласно летописи, в момент перехода венгров через Карпаты на юге Олегу подчинялись лишь поляне, древляне, северяне и радимичи. В последующих походах на Византию его преемников эти племена уже не участвовали. Лишь в 981 г. летописец сообщает, что Владимир пошел на поляков и захватил их города Перемышль, Червен и другие, «которые и доныне под Русью». В 1018 г. Ярослав выходит навстречу польскому войску Болеслава к Волыню, а противники становятся по обеим берегам Буга. Первоначально война была неудачной для Ярослава, в результате чего спорные города оказались под властью Польши. Окончательно Червенские города удалось вернуть лишь в 1031 г. в результате похода объединенных сил Ярослава и Мстислава на запад. Согласно мнению А.Н. Насонова, Прикарпатье не входило в состав Русской земли в «узком смысле» слова. Однако, когда сравнительно недавно В.А. Кучкин повторно проанализировал летописные тексты, он пришел к выводу, что в ее состав в интересующем нас регионе все-таки входили города Бужск в верховьях Западного Буга, Шумеск, Тихомль, Выгожев, Гнойница в бассейне верхнего течения Горыни, Божский и Межибожье в бассейне Южного Буга, Котельница в междуречье Южного Буга и Тетерева. По его мнению, древняя Русская земля простиралась в широтном направлении, на западе подходя к Карпатам и польским землям[74]. Хоть В.В. Седов и посчитал подобное расширение границ «Русской земли» в узком смысле на запад «весьма и весьма сомнительным», он, не оспаривая точности приводимого летописного текста, считал, что данные города относились к Русской земли в широком смысле этого слова. В.А. Кучкин отмечал, что подобное расширение Русской земли на запад объясняет упоминание Константином Багрянородным подчиненных Руси ленндзанинов, то есть поляков, которые рубят в своих горах однодревки, которые потом переправляют в Киев. Данное свидетельство византийского императора, достаточно подробно описавшего полюдье русов, которое не охватывало Карпатский регион, всегда вызывало недоумение у исследователей, однако становится понятным, если мы примем гипотезу о том, что на западе «Русская земля» в узком смысле простиралась до границ с Польшей. От себя добавим, что каких-то росов по соседству с поляками фиксирует и еще один достаточно ранний источник. Речь идет о «Баварском географе», составленном до 821 г. С одной стороны, он знает руссов (Ruzzi) по соседству с хазарами, но, с другой стороны, упоминает еще пять племен, вторая часть которых содержит корень *roz-рос*, но их локализация затруднена. Весьма показательно, что одно из этих племен упомянуто рядом с лендицами, название которых родственно древнерусскому названию поляков *ляхъ*: «Хосиросы имеют 250 городов. Лендицы имеют 98 городов»[75]. По всей видимости, хосиросы являются искаженным названием населения Карпатской Руси. Однако приведенные выше данные ал-Хорезми свидетельствуют в пользу того, что Карпаты рассматривались как Русская гора еще до образования единого Древнерусского государства, и, следовательно, мысль о том, что по крайней мере часть Прикарпатского региона также называлась Русью до 981 г., не следует отвергать с порога.

О том, что границы этой Карпатской Руси могли еще дальше простираться на запад, свидетельствует «Дагоме юдекс» – грамота, которой польский князь Мешко I около 990 г. передавал римскому папе Иоанну XV часть своих владений, границы которых очерчивались так: «С одной стороны начинается Длинное (Балтийское. – *М.С.*) море, граница с Пруссией – до места по имени Русь, а граница Руси тянется до Кракова, а от того Кракова – до реки Одер…»[76] А.В. Лонгинов приводит более поздние польские источники, также отмечающие примерно такую же границу: «Мы имеем несомненные исторические указания на то, что русинская народность значительно оттеснена была на восток от Вислы. Иоанн Кразинский, уставщик и каноник в Кракове и Гнезне (1612 г.), называя Червонную Русь Роксоланией, говорит, что она заключает в себе области: Львовскую, Люлинскую, Белзскую, Подляхию, Волынь и проч., доходит до Карпатских гор, начинаясь недалеко от города Кракова. Географ Старовольский (1656 г.)

западную границу Червоно-русской народности проводит по рекам Вислоке и Вепрю»[77]. Примерно такое же представление о крайней западной границе было сформулировано в универсале Богдана Хмельницкого 1648 г.: «Ляхи… покорили ослабших киевских Острожских и других истинных природных наших князей, и наши исконные земли и провинции Сарматийския, казакорусския от Подоля у Волох по Вислу и аж до самого Вильня и Смоленска… в поименованных землях и провинциях наших Русских славное имя наше козацкое уничтожили…» Представление о Висле как о границе с Польшей отразилось и в казацком фольклоре. Одна песня заканчивается словами: «Ну-те, козаки, теперь скачите, беритесь в боки, – загнали мы ляхов даже за Вислу». В другой думе поляк, пораженный казаком, говорит: «О, лучше бы мои глаза стали на затылке, чтоб я мог из-за Вислы глядеть позади себя в Украйну»[78]. Подобные представления встречаются не только в устном фольклоре, но и в памятниках письменности. Так, текст 1648 г. отмечает: «Извоевали козаки полшу. Почали палити вариші и села от рѣки Днѣпра от славного вариша Киева и ляхов истинати и Руснаков аж до рѣки Висли»[79]. Помимо этого еще в 1880 г. А.И. Добрянский привел целый ряд средневековых источников, указывавших на то, что некоторые города на востоке Польши также воспринимались как русские[80]. В уже упоминавшемся выше «Списке русских городов дальних и ближних» в Воскресенской летописи выделен отдельный раздел: «А се Польскыи грады: Камень, Иловечь, Бряславль, Соколец, Звенигородъ, Черкасы, Черненъ, Новый городокъ, Венича, Скала, Бакота»[81]. Когда Люблинская земля отошла от Польши в 1244 или 1245 г., то любусский епископ, получивший польский город Опатов, с этого времени стал называться русским епископом[82]. В советское время В.П. Шушарин отмечал, что на территории Словакии еще в XIX в. насчитывалось сорок шесть названий, производных от слова «Русь» и еще двадцать четыре на территории Закарпатья. Все эти факты показывают, что вопросы о границах Карпатской Руси, равно как и о том, являлась она самостоятельной Русью или в древности являлась частью «Русской земли» в узком смысле, определяемой по данным отечественных летописей, требуют дополнительного изучения.

Некоторые данные позволяют предположить достаточно раннее проникновение христианства в Карпатскую Русь. В сравнительно недавно опубликованной П. Шрайнером византийской рукописи XV в., восходящей к тексту X в., отмечалось, что «в правление Василия Македонянина, в 6390 г. (881/82 гг. – *М.С.*), был крещен народ Русь». Поскольку крещение русов при Аскольде и Дире произошло в 860 г., а в 882 г. Киев захватывает Вещий Олег, само прозвище которого указывало на языческие представления, ни о каком крещении Поднепровской Руси в указанное рукописью время говорить не приходится. Однако о крещении какой-то части «народа рос» именно в царствование Василия I Македонянина (867–886) говорит и Иоанн Скилица, а также Продолжатель Феофана. Чтобы объяснить это явное несоответствие данным древнерусского летописания, М.В. Бибиков предположил, что византийский хронист совместил две даты – крещение Руси и смерть Аскольда и Дира. Более обоснованным на этом фоне выглядит предположение М.К. Юрасова, который отнес известие о крещении Руси в 881/82 г. не к Киеву, а к Прикарпатской Руси. Опираясь на данные Жития святого Мефодия о том, что брат создателя славянской азбуки был вызван из Моравии к Василию I около 881 г., этот исследователь предположил такую последовательность событий: «Таким образом, есть основания предполагать, что св. Мефодий в 881–882 гг. совершил путешествие из Моравии в Константинополь и обратно, проходя в том числе через земли, населенные самыми западными группами восточного славянства. Вполне возможно, что во время этого путешествия славянский первоучитель крестил какую-то часть восточнославянского этноса, на которую распространялся этноним “русь”. Поскольку путь Мефодия явно пролегал вдали от Днепровской Руси, скорее всего, новообращенными христианами стали предки современных русинов, причем ими могли быть как жители бассейна Верхней Тисы, так восточнославянское население, проживавшее к северу от Нижнего Дуная – по Пруту и Сирету. Поскольку сведения о крещении “народа рос”

содержатся в древней византийской хронике, представляется более вероятным, что эта часть восточного славянства приняла Христову веру во время путешествия Мефодия из Моравии в Константинополь, а не на обратном пути, о чем Мефодий сообщил императору и высшему клиру православной церкви по прибытии в византийскую столицу». С этим предположением вполне соотносится и тот факт, что чешский хронист начала XIV в. Далимил неожиданно называет Мефодия русином: «Тот архиепископ русин был, мессы славянские служил». На фоне хорошо известных данных о происхождении солунских братьев подобное утверждение выглядит странным, и объяснить слова Далимила пытались различные исследователи. Возможно, одним из наиболее обоснованных является мнение М.К. Юрасова, согласно которому «сохранение в народной памяти средневековых чехов убеждения в том, что св. Мефодий был русином, скорее всего, отражает не только факт крещения соседивших с Великоморавским княжеством предков современных русинов, но и факт сохранения жителями Подкарпатской Руси этой христианской веры с богослужением на славянском языке и славянской азбукой» [83].

В пользу версии о крещении русин Мефодием говорят и другие факты. Именно вскоре после его приезда в Константинополь Карпатский регион попадает в сферу внимания высшей светской и церковной власти Византийской империи. Слово «Карпатия» встречается в официальных документах, касающихся организации миссионерства, достаточно рано, начиная с двух эдиктов 889 и 903 гг. императора Льва VI Философа и двух миссионерских хрисовулов 904 и 906 гг. константинопольского патриарха Николая I Мистика[84]. При раскопках недалеко от восточнословацкого поселения Михаловце, находящегося в 30 км от Ужгорода, археологами были обнаружены стены старинной церкви и найдена каменная плита с эпитафией, написанной славянскими буквами[85].

С другой стороны, когда в 1086 г. чешским светским и церковным властям удалось добиться упразднения Моравской епископии и присоединения ее владений к Пражской, то восточные границы последней в грамоте были обозначены следующим образом: «Отсюда на восток (Пражское епископство) имеет границей реки Буг и Стыр (правый приток Припяти. – *М.С.*) с городом Краковом и областью, которая называется Ваг…» [86] Данный документ показывает, что первоначальная территория Моравского епископства охватывала и часть древнерусских земель. В свете идущего из Моравии при Мефодии импульса христианизации Карпатского региона несомненный интерес представляет и рассказ ПВЛ о деятельности апостола Павла: «В Моравъı бо ходıлъ и апс̑лъ Павелъ оучилъ ту. ту бо єсть Илюрикъ. єгоже дошед̑ апс̑лъ Павелъ тоу бо бѣша Словене первоє тѣмже и Словеньску языкоу оучитель єс Павелъ. ѿ негоже языка и мы єсмо Роус̑. тѣмъж и нам Роус̑ оучитель ес Павелъ. понеж оучил̑ єс̑. языкъ Словескъ. и поставилъ єс єпс̑па. и намѣсника въ себѣ Андроника Словеньскоу языку. а Словеньскыи языкъ и Роус̑кыи ѡдно єс» [87] – «К моравам же ходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Поэтому учитель славян – Павел, из тех же славян – и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель апостол Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе у славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един». Как видим, данный фрагмент отечественного летописания связывает воедино Моравию, Иллирию и Русь в контексте проповеди христианства Павлом. Следует отметить, что и такой крупный дореволюционный исследователь истории Русской церкви, как Е. Голубинский, также полагал, что русские, жившие по ту сторону Карпат под властью венгров, были крещены на целое столетие раньше киевских русов и именно у них Владимир мог взять священников для массового обращения в христианство своего народа[88].

Однако с территории Карпатской Руси происходит один уникальный артефакт, позволяющий хотя бы частично реконструировать и языческие представления жителей этого региона о происхождении княжеской власти. Обнаружен он был на территории распространения пше-

ворской культуры. Различные археологи соотносили ее то с германцами, то со славянами, то с кельтами. В настоящее время среди специалистов преобладает мнение о полиэтничном составе данной культуры, причем восточный ее ареал связывают со славянами. Так, В.В. Седов соотнес висленский регион пшеворской культуры римского времени со склавенами, упоминаемыми готским историком Иорданом[89]. Б.В. Магомедов вслед за другими исследователями видит в восточной периферии пшеворской культуры на Западной Волыни и Поднестровье венедов – другую группу ранних славян[90]. Весьма интересно его предположение, что именно с этими археологическими памятниками следует связать сообщение Иордана о победе готов над спалами, которую они одержали по пути к Черному морю. Это вполне согласуется с достаточно давно предложенной славянской этимологией названия спалов от слова ***исполин***. И.П. Русанова отмечала, что постоянный славянский компонент в пшеворской культуре был довольно многочисленным и мало смешивался с другими этническими группами. В верховьях Днестра и на Западной Волыни население пшеворской культуры археологически фиксируется уже со второй половины I в. до н. э. В погребении № 3 из Гринева, расположенном в верховьях Днестра и датируемом I в. н. э., были обнаружены ножны меча с ажурной обкладкой (рис. 6). Особенности захоронения, а также его расположение относительно других привели специалистов к такому выводу: «По количеству погребального инвентаря погребение № 3 не имеет себе равных в пшеворской культуре. Этот факт, а также расположение погребения в центре могильника дают основание предположить, что оно принадлежало местному племенному вождю»[91]. Мечи были наиболее дорогим видом оружия и поэтому встречаются в погребениях пшеворской культуры достаточно редко. Здесь же стоимость оружия увеличивалась еще за счет украшения ножен, явно сделанных на заказ. Д.Н. Козак и Р.С. Орлов отмечают, что обнаруженная в погребении № 3 обкладка уникальна и не имеет себе аналогов в Европе.

Рис. 6. Обкладка ножен меча из Гринева, I в. н. э. Источник: Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половины I тысячелетия н. э. М., 1993

Сама традиция подобного украшения ножен возможно восходит к кельтской культуре, хоть стиль изображений в ней был иной. Вся композиция состоит из пяти изображений, заключенных в прямоугольные рамки. В верхнем регистре изображен хищник (в различных публикациях он называется то медведем, то волком), терзающий жертву, затем грифон, в центральной части крупные мужская и женская фигуры, ниже баран, поедающий растительность, и в самом последнем вооруженный всадник. Судя по всему, выбор изображений не является случайным, и в своей совокупности они передают некий мифологический сюжет. Поскольку погребение принадлежало вождю, логично предположить, что тот таким образом пожелал запечатлеть в металле миф о происхождении своего рода и не поскупился на затраты ради возможности его зримо демонстрировать соплеменникам. Как непропорционально большой по сравнению с остальными изображениями размер фигур в центре, так и их расположение строго посередине всей композиции подсказывают, что главной сценой является священный брак бога или героя с богиней. Мужчина показан без бороды и усов, изображение его головы аналогично изображению головы всадника в нижнем регистре. По всей видимости, от союза этой пары и вел свою родословную захороненный в Гриневе вождь. Семантика двух соседних изображений рядом со сценой священного брака сомнений также не вызывает: если баран символизировал как плодородие, так и средний, земной уровень мироздания, то грифон обозначал собой небесную сферу. Причину, по которой всадник оказался расположен в самом низу композиции, Д.Н. Козак и Р.С. Орлов попробовали объяснить так: «Мотив борьбы бога-героя с силами хаоса и, как результат, высвобождение плодородия земли и процветание скота – относится к основному космогоническому аспекту индоевропейской мифологической традиции. С этим аспектом связывается изображение барана в окружении растительных побегов. Аграрное благополучие, воплощенное в образе травоядного, непосредственно касается функции героя-всадника, на что может указать растительный побег, опускающийся за его спиной. Предполагаемая семантика связь образов героя-всадника и барана находит параллель в образе фракийского Хероса, в котором четко проступают сочетание военных и аграрных функций»[92]. Хоть исследователи в первую очередь старались объяснить всю композицию, исходя из тех немногочисленных данных, которыми наука располагает о фракийской мифологии, однако в конце концов они были вынуждены признать: «Яркая индивидуальность стилистических особенностей изображений не позволяет отнести ее к кельтскому, гето-фракийскому и тем более к искусству германских племен»[93]. В этот перечень мифологических образов разных народов, с которыми соотносились изображения на оковке меча, почему-то не попали ни иранские, ни славянские племена, хоть их мифологические представления, как мы сможем убедиться чуть ниже, содержат ничуть не меньше данных для понимания анализируемых сцен.

Что касается ираноязычных кочевников, то вряд ли их влияние на племена восточной части пшеворской культуры было меньшим, чем влияние фракийцев. В Восточно-Европейском регионе образ грифона появляется в результате переднеазиатских походов скифов VII в. до н. э. или их первых контактов с греко-ионийским миром[94]. Соединяющее воедино черты царя зверей и царя пернатых это мифологическое животное достаточно рано стало связываться с царской властью. Согласно описанию Геродота, беломраморные сфинксы и грифоны стояли у дворца скифского царя Скила[95]. В свете нашей темы несомненный интерес представляет скифская золотая диадема из Келермеса VII в. до н. э., которая была украшена спереди головой грифона, а с обруча свисают две цепочки с бараньими головками на концах. Баран в иранской традиции зачастую служил обозначением фарна – мистической сущности, присущей правителям. Поскольку золотая диадема принадлежала явно не рядовому кочевнику, мы видим, что

уже с той эпохи оба этих животных становятся одними из символов власти у скифских правителей. С учетом того что обкладка ножен принадлежала пшеворскому вождю, весьма вероятно, что оба животных, расположенных сверху и снизу от сцены священного брака, подчеркивали не столько аграрные, хоть подобная семантика и присутствовует, сколько властные функции потомка этой пары и обладателя меча. Весьма показательно, что баран и грифон в Северном Причерноморье впервые изображаются вместе именно в скифском искусстве, и мы вправе рассматривать обкладку ножен из Гринева в определенной степени как результат влияния данной традиции. Также находится в ней параллель и связи героя с растительностью. Приведенное выше предположение о том, что плодородие земли появляется в результате победы героя над отсутствующими на изображении силами хаоса, является только одним из возможных объяснений данного сюжета. Другое возможное объяснение заключается в том, что правитель уже изначально является носителем плодородия. Рождению основателя Персидской империи Кира предшествовал вещий сон, увиденный его дедом: «Ему приснилось на этот раз, что из чрева его дочери выросла виноградная лоза и эта лоза разрослась затем по всей Азии»[96]. Вновь мы видим параллель из иранских мифологических представлений, свидетельствующую в пользу второго объяснения.

Не меньший интерес представляют и данные славянской традиции. В ней мы также находим примеры восприятия основателя правящей династии как носителя природного изобилия-гобино. Аналогичный вещий сон видит и правитель новгородских словен Гостомысл по поводу потомства его дочери Умилы: «Единою спясчу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дочере его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуся людие всея земли. Востав же от сна, призва весчуны, да изложат ему сон сей. Они же реша: “От сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его”. И все радовахуся о сем…»[97] Само слово *угобзить* происходит от др. – рус. *гобино* – «изобилие». Как отмечает В.И. Даль, слово *угобзити* или *угобжати* означает «одарить», «наделить», «ощедрить», «обогатить», «оплодотворить», «удобрить», «утучнить», приводя также два выражения, показывающие, что еще в XIX в. данное понятие употреблялось в интересующем нас контексте: «Угобжать землю» и «Угобзися нива». Когда Пржемыслу, родоначальнику династии чешских князей, сообщили о его избрании, он воткнул в землю палку, которую держал в руке: «А та палка, которая была воткнута Пржемыслом в землю, дала три больших побега; и что еще более удивительно, побеги оказались с листьями и орехами»[98]. В западнославянской традиции мы видим и другие аналогии композиции на оковке ножен. В «Одиссее варяжской Руси» были приведены данные мекленбургской генеалогической традиции, согласно которой онемеченные потомки ободритских князей вели свой род от короля Антюрия, сочетавшегося браком с богиней Сивой. Уже автор XV в. отмечал, что Антюрий поместил на носу корабля, на котором приплыл на территорию современной Северной Германии, голову быка, а на мачту водрузил грифона. Оба этих животных впоследствии вошли в герб мекленбургских герцогов. С другой стороны, при описании идола западнославянского бога Радигоста, который также присутствовал в генеалогии этой династии, достаточно поздний автор Ботон сообщает такую интересную подробность: «Оботритский идол в Мекленбурге, называвшийся Радигостем, держал на груди щит, на щите была (изображена?) черная буйволья голова, в руке был у него молот, на голове птица»[99]. Быка и птицу в родовом святилище правителя Прибалтийской Руси упоминает и скандинавская сага о Боси. Хоть родовая символика пшеворского вождя из Карпат и потомков ободритских князей весьма похожи, между ними есть и различия: если у первого рядом с божественной парой изображен баран и грифон, то у последних – бык и птица, позднее замененная на грифона. Поскольку образ грифона в обеих случаях восходит в конечном итоге к скифской традиции, следует отметить, что в ираноязычной традиции образы барана и быка могли быть взаимозаменяемыми: в Авесте описывается, как бог войны Вэретрагна являлся Зарату-

штре в разных обличьях, причем во второй раз он появился перед пророком «быком золоторогим», а восьмой раз – «бараном горным диким, прекрасным, круторогим». Поскольку само имя полумифологического предка мекленбургской династии Антюрия было, по всей видимости, образовано от слова **тур**, культ которого был весьма широко распространен среди западных славян, то именно это животное было изображено на герцогском гербе. С другой стороны, птица, которая была на идоле Радигоста и фигурирует в скандинавской саге, была впоследствии заменена на грифона. Трудно однозначно сказать, повлияли ли идеи, выраженные на оковке ножен из Гринева, на становление герба мекленбургских герцогов, однако немецкий археолог Й. Херрман именно с Прикарпатьем связывает происхождение вильцев, ставших ближайшими соседями ободритов на территории современной Северной Германии: «Путь продвижения вильцев из польских предгорий Карпат и Силезии вниз по Одеру прослеживается в конце VI – начале VII в. по распространению фельдбергской керамики (связанной с южными традициями) и больших племенных городищ»[100]. Поскольку другим названием вильцев были велеты-волоты (а в древнерусском языке слово **волот** также обозначало великана, исполина), то это предположение о Прикарпатье как исходной точке их миграции на запад хорошо согласуется с локализацией в этом же регионе спалов-исполинов Иордана. Если это так, то один из путей проникновения (хоть, возможно, далеко не единственный) образа грифона на побережье Варяжского моря может быть связать с ними. В любом случае мы видим определенное сходство символики между пшеворским вождем с тех земель, где источники впоследствии фиксируют Карпатскую Русь, и правителями варяжской Руси.

В славянской традиции баран как чистое, благословенное богом животное связывался, с одной стороны, с брачной символикой, а с другой – с культом предков. Показательно, что свидетельства о последнем круге представлений зафиксированы именно в том регионе, в котором была обнаружена обкладка ножен: «В гуцульской мифологии в образе овцы воплощаются в раю души праведных мертвецов. В чешских быличках покойники представляются стадом безголовых овец, в карпатских – умерший являлся в виде белого ягненка. <…> Украинцы на Карпатах барана с вызолоченными рогами отдавали священнику во время похорон хозяина; в гроб под голову покойнику клали белую овечью шерсть, “чтобы его душа была такая белая, чистая, как шерсть”. Сербы Воеводины на похоронах хозяина овец гнали отару за процессией до кладбища,… черногорцы племени Васоевичей, кроме этого, состригают шерсть с барана – предводителя стада, которого обычно никогда не стригут. У сербов и македонцев жертва овцы или барана – важный элемент погребально-поминального комплекса. Болгары приношением в жертву барана задабривают архангела Михаила, “чтобы он легко отбирал душу”». Приведенные южнославянские примеры показывают, что зафиксированные в Карпатах обычаи положения шерсти в гроб умершего или дарение барана священнику на похоронах представляют собой пережитки более древнего обряда жертвоприношения данного животного. Поляки считали, что в черного барана превращается утопленник, а русские о самоубийце говорили «одранный баран черту готов» или «черту баран давно ободран». С другой стороны, в русских быличках облик барана иногда принимает домовой.

Не менее ярко выражена у этого животного и брачная символика. В ночь на Рождество один из способов гадания девушек на Руси состоял в том, чтобы в хлеву ухватить первое попавшееся животное: если это был баран, то она выйдет замуж, если овца – нет. Брачную ночь молодожены иногда проводили в помещении для овец. Русская поговорка гласила: «Жених да невеста – парочка, что твой баран и ярочка», а во время свадебного застолья на Ветлуге невесту и жениха сталкивали головами со словами: «Баран, люби овцу! Овца, люби барана!»[101]

Остается разобрать последнее, самое верхнее изображение на обкладке меча. Сцена терзания опять-таки генетически восходит к скифскому искусству, в котором она, по мнению искусствоведов, могла быть связана с идеей цикличности смены времен года. К сожалению, исследовавшие обкладку ножен специалисты не смогли точно определить, кто изображен в

верхнем регистре – волк или медведь. Если это волк, то, возможно, это могло быть изображение тотемного животного племени, поскольку, согласно одной из этимологий, племенное название вильцев происходит от ст. – полаб. Vilci – «волки» [102]. Именно в это животное учится оборачиваться в былине Вольга Святославович, историческим прототипом которого, по мнению исследователей, являлся сын Святослава Игоревича Олег:

Как стал тут Вольга ростеть-матереть,
Похотелося Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать да по чистыим полям[103].

Аналогичный мотив превращения в сокола и волка былины отмечают и у Волха Всеславьевича – Всеслава Брячиславича Полоцкого. Кроме того, в славянской традиции волк мог связываться и с умершими: при встрече с ним в Черниговской губернии называли имена трех умерших предков, а поляки Хелмского воеводства время разгула волков связывали с Днем Всех Святых, посвященным умершим. Еще ярче выражена брачная символика волка – в различных регионах им называют и жениха, и дружку, представителя жениха, и братьев жениха, и всю родню невесты. Приснившийся девушке волк означает жениха и предвещает ей приход сватов[104].

Что же касается медведя, то в славянской традиции он относится к особо чистым животным – считается, что нечистая сила не может принять его облик. В Олонецкой губернии бытовало выражение «медведь от Бога», а украинская легенда повествовала о том, что некий «старый дед» обогатил человека и сделал его сначала богом, а потом медведем. Следы былого почитания этого животного отражаются и в табуировании его названия. В славянском фольклоре от связи женщины с медведем рождаются дети, наделенные богатырской силой. Тесно связан он и с символикой плодовитости и брака: если девушка увидит во сне медведя, то это предвещает ей замужество, а в белорусских свадебных песнях он символизирует жениха, различные обрядовые действия, так или иначе связанные с этим зверем, даровали плодородие [105]. Показательно, что с помощью ритуальных действий именно с ним беременные женщины, как об этом свидетельствует отечественное поучение против язычества, гадали о поле будущего потомства: «И чреваты жены медвѣдю хлѣбъ даютъ изъ руки да рыкнетъ д(е) в(и) ца будетъ, а молчитъ отрокъ будетъ»[106].

Еще с индоевропейских времен медведь и волк считались животными «среднего мира», однако на оковке меча интересующий нас персонаж оказался помещен в самый верхний регистр, даже выше грифона, который олицетворяет собой небесную сферу. Чем можно объяснить такое несоответствие? Наиболее логичным является предположение, что хищник, кем бы он ни был, олицетворял собой тот или иной объект на звездном небе. Сравнительно недавно в рязанской Мещере было зафиксировано обозначение Млечного Пути как *Путь волка*. Была записана и легенда, объясняющая название: «Однажды, когда Бог прогневался на людей, один из архангелов решил помочь людям. Чтобы пройти незамеченным свой путь на землю, он обернулся волком и, прячась между звезд, спустился с неба на землю. Вот почему, когда волки воют, они поднимают морды к звездам. Когда архангел спустился на землю, то и другие волки стали помогать людям. Через какое-то время потомки этих волков стали собаками»[107]. В ряде регионов с этим животным связывали и название планеты Венера: «Эпитеты *волчий* и *вечерний* употреблялись иногда как равносильные; так *Вечернщу* (Hesperus – планету Венера) называют *Волчею звездою;* у литовцев она известна под именем Zwerinne – от zweris – волк, у

чехов Zwiretnice, Zwerenice, в одном из старинных западнорусских периодов Иова – Зверяница; в областных говорах слово *зверь* означает волка»[108].

Хоть общеславянским названием Большой Медведицы является Воз, однако на Урале это созвездие называется Медведица, в Курской и Новгородских областях – Медведка и Медвежатники, а в Тульской, Архангельской, Вятской, Пермской, Тамбовской, Ярославской и Смоленской областях – Сажары, Стожар, Стожары, Стожарье. Что касается последней группы названий, то зафиксированы как поговорка «Сожар-колесница не медведица, а на охоту манит», так и записанное еще в XIX в. о нем народное представление, согласно которому «это созвездие благоприятствует охотникам отыскивать зверей и что медведи живут под его защитой. За воровство и кражу Сажары наводят сон на медведей на всю зиму. Когда Сажары глядят на землю, тогда медведи бывают смирны и не нападают на человека. Основываясь на этом предании, охотники пускаются в лес только при появлении Сажар»[109]. Очевидно, что связанное со сферой культуры понятие воза или колесницы появилось у наших предков гораздо позже, чем связанный со сферой дикой природы образ медведя. Как видим, следы первоначальной зооморфной ассоциации данного созвездия сохранились даже в характерном противопоставлении колесницы и медведицы в поговорке про Сожар. О том, что подобное восприятие этого созвездия восходит к эпохе индоевропейской общности, говорят не только данные древнегреческой мифологии, но и его латинское название Arctos – «медведь». В индийской Ригведе слово rkshas означает и звезду, и медведя[110]. Следует отметить, что в созвездии Большой Медведицы болгары видели волка, грозившего смертью двум волам, запряженным в повозку. Таким образом, уникальная обкладка ножен меча из Гринева изображала сложную астрально-генеалогическую композицию, отражавшую представления наших далеких предков о происхождении княжеской власти.

Приведенные в данной главе данные показывают существование Карпатской Руси, однако не позволяют ответить на вопрос: когда впервые жители этого региона стали называться русами? Как мы могли убедиться, целый ряд фактов свидетельствует в пользу того, что это произошло еще до вхождения Карпат в состав Древнерусского государства. Из-за труднодоступности данного региона он относительно поздно попал в поле внимания соседних государств, что неизбежно отразилось на освещении его ранней истории письменными источниками. Хоть археологические данные указывают на существование там княжеского рода, один из представителей которого запечатлел миф о его происхождении в металле, эта единичная находка не восполняет отсутствие письменной традиции. К сожалению, несмотря на все успехи археологии, в отечественной науке положение с выяснением происхождения Карпатской Руси не намного изменилось с 1914 г., когда Ф.Ф. Аристов констатировал: «Вопрос о том, каким образом проникло за Карпаты русское имя, является одним из самых сложных и малоразработанных вопросов русской исторической науки»[111].

Глава 3. Летописная традиция о Днепровской Руси

Хоть вопросу о происхождении Руси в Поднепровье уделялось гораздо больше внимания по сравнению с Карпатской Русью, однако к единому мнению исследователям не удалось прийти и тут. Рассмотрим сначала сведения, сохранившиеся в ПВЛ. Исследователи отечественного летописания достаточно давно заметили наличие в ней двух версий о происхождении Руси. Одна из них связывала ее происхождение с варягами и была подробно рассмотрена мною в «Одиссее варяжской Руси». Другую можно назвать «полянской». Под 852 г., то есть за десять лет до призвания трех варяжских князей, взявших с собой всю русь, от которой, как утверждал летописец, и прозвалась Русская земля, на арене мировой истории Русь уже действовала, причем действовала более чем активно: «Въ лѣт 852. Индикта 15 дн҃ь 29. наченшю Михаилу црс҃твовати нача сѧ прозъıвати Руска землѧ. ѡ семь бо увидѣхомъ. яко при семь цр҃и приходиша Русь на Цр҃ьгородъ. якоже пишетсѧ в лѣтописаньи Гречьстѣмь»[112] – «В год 852, индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом». Как отмечают исследователи, на самом деле византийский император Михаил III, упоминаемый в данной статье, вступил на престол в 842, а не в 852 г. Под 862 г. упоминается, что два боярина Рюрика, Аскольд и Дир, отправились на юг и сели править в Киеве: «и бѧста оу него. в҃. мужа не племени его ни боæрина. и та испросистсѧ ко Цр҃югороду с родомъ своимъ. и поидоста по Днѣпру. и идуче мимо и оузрѣста на горѣ градок и оупращаста. [и] рѣста чии се градокъ. ѡни же рѣша бъıла суть. г҃. братьæ. Кии. Щекъ. Хоривъ. иже сдѣлаша градоко-сь. и изгибоша и мъı сѣдимъ. платѧче дань родомъ ихКозаромъ. Аколъдо же. и Диръ. ѡстаста въ градѣ семь. и многи Варѧги скуписта. и начаста владѣтПольскою землею. Рюрику же кнѧжаста в Новѣгородѣ»[113] – «И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?” Те же ответили: “Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили город этот и сгинули, а мы тут сидим, родичи их, и платим дань хазарам”. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде».

Под 866 г. летопись сообщает об их походе на Царьград, причем в тексте они также именуются Русью: «Въ лѣт 866. Иде Асколдъ и Диръ на Греки и прииде въ 14 [лѣто] Михаила цр҃ѧ. цр҃ю же ѿшедшю на Ѡгарѧнъı. [и] дощедшю єму Чернъıє рѣки. вѣсть єпархъ посла к нему. яко Русь на Цр҃ьгородъ идеть. и вратисѧ цр҃ь си же внутрь Суду вшедше. много оубıиство крт҃нмъ створиша. и въ двою сотъ корабль Цр҃ьградъ ѡступиша. Цр҃ь же єдва въ градъ вниде [и] с. патреæрхомъ съ Фотьємъ къ сущеи цр҃кви ст҃ѣи Бц҃ѣ Влахѣрнѣ [и] всю нощь молт҃ву створиша таже бжт҃вную свт҃ъı Бц҃ѧ ризу с ими изнесъше в рѣку ѡмочивше тишинѣ сущи [и] морю оукротившюсѧ. абьє бурѧ въста с вѣтромъ. и волнамъ вельямъ въставшемъ засобь безбожнъıхъ Руси корабль смѧте…»[114] – «В год 866. Пошли Аскольд и Дир на греков и пришли к ним в четырнадцатый год царствования Михаила. Цесарь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет на Царьград, и возвратился цесарь. Эти же вошли внутрь Суда, множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Цесарь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы Влахернской, и вынесли они с пением божественную ризу святой Богородицы и погрузили в реку. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и встали огромные волны, и разметало корабли безбожной Руси…» На самом деле, как следует из византийских источников, нападение Руси на Константинополь произошло в 860, а не в 866 г., причем, что важно для нашего исследования,

нападавшие назывались именно Русью. Итак, на этот раз уже не только отечественный, но и иностранный источник подтверждает существование Руси за два года до призвания варягов. Поскольку в 882 г. Аскольд и Дир были убиты Олегом, захватившим Киев и действовавшим от лица малолетнего сына Рюрика Игоря, целый ряд исследователей не без основания предполагает, что Аскольд и Дир были независимыми правителями Киева, а с Рюриком были связаны лишь впоследствии на страницах летописи. В пользу этой версии говорит и отмеченное выше хронологическое несоответствие, поскольку руководители похода 860 г. никак не могли быть боярами призванного лишь в 862 г. Рюрика, если только его призвание не произошло раньше.

Кем были Аскольд и Дир? Утверждение о том, что они были боярами основателя династии вызывает определенные сомнения и достаточно давно было высказано мнение, что оно было сделано летописцем со вполне определенной целью – представить Рюриковичей единственно законной династией, а убитым Олегом правителям Киева отказать в легитимности, для чего их и изобразили боярами Рюрика, отложившимися от его сына и самовольно захватившими власть на юге. Польский историк Ян Длугош в своем труде называет их потомками основателя Киева: «Затем, после смерти Кия, Щека и Корева, их сыновья и потомки, наследуя по прямой линии, княжили у русских много лет, пока такого рода наследование не привело к двум родным братьям – Оскальду и Диру»[115]. Часть отечественных историков восприняло эту версию, полагая, что она основывается на несохранившихся русских летописях, которыми мог пользоваться Длугош. Однако и это утверждение несвободно от политической мотивации: согласно польскому хронисту, Рус был потомком прародителя поляков Леха, и в этом отношении Рюриковичи оказываются захватчиками Киева, изначально принадлежащего потомкам Леха. Таким образом, подчеркивая местное происхождение Аскольда и Дира, польский хронист тем самым косвенно отрицал права Москвы на Киев.

Некоторые отечественные летописи занимают как бы промежуточную позицию между этими двумя крайними точками зрения. Новгородская первая летопись, которая, как полагает часть исследователей, сохранила следы более древнего текста, чем ПВЛ, считает Аскольда и Дира варягами, но при этом ничего не говорит о том, что они были боярами Рюрика. Более того, впервые они появляются на ее страницах сразу после рассказа о смерти Кия, Щека и Хорива и полянской дани хазарам: «И по сих, братии тои, приидоста два Варяга и нарекостася князема: одному бѣ имя Асколдъ, а другому Диръ; и бѣста княжаща в Киевѣ, и владѣюща Полями; и бѣша ратнии съ Древляны и съ Улици»[116]. Когда же эта летопись сообщает об убийстве обоих братьев Олегом, в ней нет встречающихся в ПВЛ слов Олега про малолетнего Игоря: «Вот он сын Рюрика», то есть оба киевских правителя опять-таки никак не связываются новгородским летописцем с первым русским князем. Иоакимовская летопись говорит об одном Аскольде и утверждает, что он был направлен на юг самим Рюриком: «Славяне, живусче по Днепру, зовомии поляне и горяне, утесняеми бывши от козар, иже град их Киев и протчии обладаша, емлюсче дани тяжки и поделиями изнуряюсче, тии прислаша к Рюрику преднии мужи просити, да послет к ним сына или ина князя княжити. Он же вдаде им Оскольда и вои с ним отпусти. Оскольд же, шед, облада Киевом и, собрав вои, повоева первее козар, потом иде в лодиах ко Царюграду, но буря разби на мори корабли его. Олег бе муж мудрый и воин храбрый, слыша от киевлян жалобы на Оскольда и позавидовав области его, взем Ингоря, иде с войски ко Киеву. Блаженный же Оскольд предан киевляны и убиен бысть…» Сам В.Н. Татищев в примечании к этому тексту отметил: «Оскольд. Хоть Иоаким точно сыном Рюриковым его не имяновал, но обстоятельство утверждает, ибо киевляне не просили бы сына, если бы его не было»[117].

Неожиданно большое количество сведений по правлению Аскольда, причем отсутствующих в других летописных сводах, дает Никоновская летопись. Под 864 г. она отмечает: «Убіенъ бысть от Болгаръ Осколдовъ сынъ», что, как отмечает Б.А. Рыбаков, подтверждается указа-

нием персидского Анонима о том, что «Внутренняя Болгария находится в состоянии войны со всей Русью». Одновременно с известием о смерти Синеуса и Трувора этот источник сообщает, что «того же лѣта воеваша Асколдъ и Диръ Полочанъ и много зла сътвориша». На следующий год после сообщения о походе братьев на Царьград и гибели флота русов в результате чуда с ризой Богородицы летопись констатирует: «Възвратишася Асколдъ и Диръ от Царяграда въ малѣ дружинѣ, и бысть въ Кіевѣ плачь велій. Того же лѣта бысть въ Кіевѣ гладъ велій. Того же лѣта избиша множество Печенѣгъ Осколдъ и Диръ»[118]. Далее в этой же летописи говорится о крещении Руси при Аскольде в результате чуда с несгораемым Евангелием и убийстве Олегом обоих братьев.

Решить проблему происхождения убитых Олегом правителей Киева пытались и при помощи анализа их имен. Норманист М. Фасмер попробовал вывести имя Аскольда из др. – сканд. Hoskuldr[119], но обошел молчанием имя Дира. Восполнить пробел попытался туземный норманист Г.С. Лебедев: «Имя Дир, как и Аскольд, рассматривается как скандинавское. Безусловно, это так, если только это имя, но может быть, и прозвище. **Djor, Djur** на древнесеверном языке – Зверь, образ и понятие эсхатологическое. “Зверь”, “Большой Зверь” – характерные имена флагманских кораблей викингов, прозвища-титулы, такие как **Gramr** – лютый, **Ulf** – волк, сопровождали имена вождей. Ивар водивший боевые корабли и дружины по всем странам, очерченным в “Круге Земном”, мог носить подобное прозвище или до, или после того, как получил более почетное – Видфамн, Широкие Объятия, под которым вошел в сагу. Конунг Харальд после того, как подчинил себе всю Норвегию, стал вместо Косматого **(Luva)** “Прекрасноволосым” **(Harfagr)**»[120]. Однако, как сообщает сага, Харальд получил свое прозвище не потому, что воспринимался современниками в качестве зверя, а в силу данного им обета не стричься до объединения страны. Таким образом, в своем стремлении любой ценой истолковать летописные данные в скандинавском ключе, норманисты не останавливаются ни перед какой несуразицей, будучи готовы то приписать имени киевского князя эсхатологический оттенок, то соотнести его с драккаром.

С другой стороны, Б.А. Рыбаков, основываясь на варианте «Осколд», которая дает Никоновская летопись, попробовал связать Аскольда как со сколотами, так и с рекой Оскол. Что же касается Дира, то он считал, что его имя искусственно присоединено к Оскольду. Со времен В.Н. Татищева существует мнение, что «Дир» – это титул или прозвище князя Аскольда. Из числа последних исследований следует упомянуть монографию об ономастике Украины, авторы которой убедительно опровергают скандинавскую этимологию Аскольда, приводя русский антропоним Аскольдов, другие антропонимы др. – блр. Ясколдъ, блр. Яскалд, Яскулд, др. – польск. Askold, Jascold, а также ойконимы Яскалды/Ясколды, Яскулдовшчына. Лингвисты полагают, что все подобные названия были образованы в результате сочетания преформанта a-/ja- с корневой морфемой – skъld, что подтверждается антропономическими параллелями типа *Явидъ* < a-vidь, *Яволодъ* < a-voldъ и т. п. Названия с основой *Сколд-* концентрируются примерно в той же зоне, что и названия с основой *Асколд-/Ясколд* – на территории Черной Руси в бассейне Немана. Понять значение этого имени могут слова *скулдыга* – «скупщик пушнины» < *сколдыга, сколдыра, скалдыра* – «скряга, крохобор»[121]. Для имени Дир А.Г. Кузьмин предложил иллирийскую или кельтскую этимологию, в последнем случае со значениями «крепкий, сильный, верный, знатный»[122]. Однако, обратившись к словарю М. Морошкина, мы найдем там ряд западнославянских имен, как Дирслав, впервые зафиксированное уже в 983 г., Дирско и Дирскон[123].

Прояснить загадку происхождения обоих правителей помогают иностранные источники. Выдающийся мусульманский автор Масуди, умерший в 956 г., так писал о Дире: «Мы упоминали при (описании) гор Кавказа и хазар, что в стране хазар (есть) люди из (числа) славян и русов, и они сжигают себя на огне. Эта разновидность славян и другие из них при-

мыкают к востоку и (простираются) с запада. Первый из царей славянских – ад-Дир. У него обширные города и многочисленные земли. Купцы-мусульмане направляются в его столицу с товарами»[124]. Как видим, в данном месте русы прямо охарактеризованы как «разновидность славян», вслед за чем в качестве «первого из царей славянских» упоминается Дир. Попытки видеть в нем не правившего в Киеве Дира отечественной летописи, а Оттона I, герцога Лотарингского, и т. д. лишены какого-либо основания. Данное свидетельство опровергает гипотезу о Дире как о прозвище или титуле Аскольда.

Целый ряд византийских и западноевропейских источников упоминает нападение русов на Константинополь в 860 г., а так называемая «Брюссельская хроника» даже позволяет установить точную дату этого события – 18 июня. Большинство авторов называет нападающих росами или, как Иоанн Скилица, отождествляет их со скифами: «Росы же – скифский народ, живущий близ северного Тавра, дикий и свирепый»[125]. К этому кругу источников норманисты попытались отнести «Венецианскую хронику», чтобы доказать скандинавское происхождение русов. Интересующий нас фрагмент данной хроники гласит: «В это время народ норманнов на трехстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к городу Константинополю. Но так как они не могли никоим образом нанести ущерба неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там многое множество народу, и так с триумфом возвратились восвояси». Однако дат в «Венецианской хронике» нет, и поэтому определить, в какое время совершилось описываемое ее автором нападение на столицу Византийской империи, точно не представляется возможным. От византийских и отечественных источников, описывавших поход русов 860 г., она отличается как количеством кораблей нападавших (триста шестьдесят против двухсот), так и конечным результатом набега (ни о каком триумфе русов говорить не приходится). Также не говорится о крещении нападавших – обстоятельстве, представлявшем несомненный интерес в глазах средневековом хронистов. Наконец, у более позднего автора XV в. Блонда Флавия, опиравшего на «Венецианскую хронику», имеется такое изложение событий: «В те времена, когда, как мы сказали, Карл Лысый принял власть над Римской империей, норманны, насытившись добычей, полученной в Аквитании и прочих галльских землях, привели флот из трехсот шестидесяти кораблей к Константинополю и, разграбив и предав огню его пригороды, вернулись в Британское море…» Этого места в «Венецианской хронике» нет, но перед описанием набега на Константинополь там сообщается о том, что норманны опустошали берега Франции. Все эти обстоятельства привели А.А. Васильева к выводу, что в «Венецианской хронике» речь шла не о русском походе на столицу Византии, а о неизвестном по другим источникам набеге норманнов[126].

Норманисты, однако, полностью игнорируют Синаксарь Константинопольской великой церкви конца IX – начала X в. Он содержит краткие сказания о святых и церковных праздниках и под 25 июня отмечает: «И нашествие сарацинов и рун (και των Ρουν), и лития во Влахернах»[127]. Такие исследователи, как Н.Ф. Красносельцев и Г.Г. Литаврин, относили это известие к походу русов 860 г. Действительно, если нашествие произошло 18 июня, то 25-го числа осада была в самом разгаре. Лития во Влахернах – молитвы во Влахернах Фотия и Михаила III, о которой упоминают не только отечественная ПВЛ, но и византийские источники. Так, например, «Продолжатель Георгия» следующим образом описывает этот эпизод правления Михаила III: «Басилевс же отправился в поход на агарян… оказался уже у Мавропотама, дал ему знать о нашествии безбожных росов. <…> Было же у них 200 судов, которые окружили город и внушили находящимся в нем великий страх. Басилевс же, прибыв, едва смог переправиться. И отправились они с патриархом Фотием во Влахернский храм Божьей Матери и там призывали к милости и состраданию Божество. Затем, вынеся с пением гимнов святой омофорий Богородицы, они окунули его краем в море; и хотя стоял штиль, сразу же начались порывы ветров, и на спокойном море волны стали громоздиться друг на друга, и суда безбож-

ных росов были разбиты, так что лишь немногие избежали опасности»[128]. Как видим, Византийской империи в 860 г. пришлось воевать на два фронта – и против агарян-сарацин, и против росов, которых Синаксарь называет рунами. Однако точно так же называлось и славянское население острова Рюген, которые в средневековых источниках также неоднократно назывались русами. Данное уникальное свидетельство в сочетании с тем, что наиболее точные с этимологической точки зрения параллели именам Аскольда и Дира находятся в западнославянском мире, не только подтверждает варяжское происхождение обоих киевских правителей, но и в очередной раз доказывает западнославянское происхождение самих варягов. Археологические данные не только говорят о тесных контактах земель ильменских словен с Рюгеном, но и о переселении части жителей этого острова на север Восточной Европы. Таким образом, все эти факты позволяют рассматривать Аскольда и Дира как предводителей одного из варяжских отрядов. Поскольку точность дат в начальной части ПВЛ вызывает сомнение, нельзя исключать возможность того, что знаменитое призвание варягов произошло раньше, чем оно было впоследствии датировано летописцем. В этом случае теоретически существует возможность какой-то связи между Рюриком и Аскольдом и Диром, особенно если принять во внимание внезапно сделанный автором ПВЛ акцент на то, что последние были «не родственники его, но бояре». Однако существующий разнобой источников не позволяет делать какие-либо окончательные заключения по этому поводу.

В заключение рассмотрения сюжета о походе 860 г. следует отметить, что внезапное появление флота русов у столицы Византийской империи именно в тот момент, когда император отправился в поход на арабов, говорит, скорее всего, о хорошо налаженной разведке русов. Можно предположить, что разведка эта осуществлялась под видом торговли и, если это в действительности было так, свидетельствует о том, что русы уже посещали Константинополь. Очевидец нападения патриарх Фотий, говоря об этой «страшной грозе гиперборейской», отмечал, что «коварный набег варваров не дал молве времени сообщить о нем, чтобы были обдуманы какие-нибудь меры безопасности, но сама явь бежала вместе с вестью – и это в то время, как напали оттуда, откуда (мы) отделены столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней». Упоминание о судоходных реках свидетельствует в пользу локализации нападавших в Среднем Поднепровье и является аргументом против предположения о том, что рейд был осуществлен силами крымских русов. Стеная о том, что «безначальное и рабским образом снаряженное» войско русов издевается над столицей Византийской империи как над рабыней, глава церкви отмечал, что существовала реальная угроза взятия Царьграда: «О, как нахлынуло тогда все это, и город оказался – еще немного, и я мог бы сказать – завоеван!»[129] Размах боевых действий русов в 860 г. помогает оценить и «Житие патриарха Игнатия»: «Ибо в то время кровожаднейшее скифское племя, так называемые росы, через Эвксинский Понт подступив к проливу и разграбив все усадьбы и все монастыри, напало к тому же и на соседние с Византием острова…» Сам Игнатий был сослан на остров Теревинф (Принцев архипелаг), на который напали русы: «Ибо посреди острова Плати стоит храм Сорока мучеников (Севастийских), а к нему принадлежит часовня Богоматери. Ее престол недавно опрокинули на землю росы, разорявшие остров…»[130]

Литературное наследие Фотия содержит несколько пассажей, говорящих о том, как византийцы воспринимали русов. Племя нападавших «незаметно, незначительно и вплоть до самого к нам вторжения неведомо», «народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, безвестный – но получивший имя от похода на нас, неприметный – но ставший значительным, низменный и беспомощный – но взошедший на вершину блеска и богатства; народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский, кочующий, имеющий дерзость (в качестве) оружия, беспечный, неуправляемый, без военачальника»[131]. Характеристика народа рос как «причисляемый к рабам» (ἀνδραπόδοις) указывает на их отождествление

со славянами, продававшимися на невольничьем рынке Константинополя. То, что последних в Византии называли именно так, доказывает печать должностного лица империи, датируемая 694–695 гг.: «(Печать) бывшего ипата славянских пленников (рабов?) (ἀνδραπόδον) епархии вифинов»[132]. Поскольку никакой источник не упоминает наличие в Византии в тот период сколько-нибудь заметного количества скандинавских рабов, данная характеристика Фотия является еще одним свидетельством в пользу славянской принадлежности нападавших. Как совершенно справедливо отметил С.П. Толстов, народ рос напомнил Фотию знакомые образы славянских пленных, которых он видел на улицах Константинополя.

В Окружном послании Фотий упоминает «тот самый так называемый (народ) Рос, те самые, кто – поработив (живших) окрест них и оттого чрезмерно возгордившись – подняли руки на саму Ромейскую державу!»[133]. Данное утверждение показывает, что к моменту похода на Константинополь русы покорили каких-то своих соседей, но, к сожалению, Фотий не конкретизирует, кого именно. Далее он говорит и о крещении русов: «Тот самый так называемый (народ) Рос… переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя охотно поставили в ряд подданных и гостеприимцев вместо недавнего разбоя и великого дерзновения против нас. И при этом столь воспламенило их страстное влечение и рвение к вере… что приняли они у себя епископа и пастыря…»[134] Принятие христианства традиционно рассматривалось Византией как вхождение новообращенного народа в число подданных империи, что же касается «гостеприимцев», то в этом исследователи обычно видят указание на некий договор с Русью, обеспечивавший права византийских купцов и гарантии их неприкосновенности. В списках епархий Константинопольского патриархата начала XI в. только две митрополии названы по имени страны, а не города: Россия (№ 59/60) и Алания (№ 61)[135]. По поводу предположений, что при Фотии была крещена не Киевская, а какая-то другая Причерноморская Русь, П.В. Кузенков отмечает: «Едва ли ведение дипломатических переговоров с Византийской империей и назначение епископа, тем более архиепископа, могли бы иметь место в отношении некоей незначительной группы руси; и то и другое указывает на то, что Византия имела дело с достаточно мощным политическим образованием: ведь даже могущественный болгарский князь далеко не сразу добился назначения архиепископа для своей страны»[136]. А.В. Назаренко предполагает, что Русская епархия была учреждена в результате нового мирного договора 866/67 г. Относительно позднее «Сказание о крещении Руси», изданное А. Бандури, так говорит о русах: «Правили упомянутым народом несчетные века архонты многие и великие, коих прозвания не стоит нам перечислять из-за бесчисленности имен их; по прошествии же многих лет стал править ими один архонт по имени Владимир…»[137] Если данный фрагмент основывается на более ранних источниках, а не является вымыслом автора этого «Сказания», то он свидетельствует о том, что соседям Руси была известна древняя история нашего народа и они даже слышали какие-то предания о его былых правителях.

В связи с первым крещением Руси следует отметить, что русские, наверное, являются единственным народом, который празднует свое поражение. Обязаны мы этим христианству, которое в память о чудесном спасении Константинополя в 860 г. установило праздник Покрова Богородицы. По поводу похода Аскольда и Дира Д.С. Лихачев отмечал: «Именно это событие способствовало особому почитанию русскими Богоматери, ее Успения и риз. Богоматерь стала покровительницей русского воинства, а праздник Покрова, посвященный ризам Богоматери, – праздником, который до XIX века праздновался только в России. Ни в Болгарии, ни в Сербии, ни в Молдавии и Валахии этот праздник до освобождения Балкан от османского ига вообще не был известен. Почему же событие, связанное с поражением Руси, стало знаком ее божественного покровительства, а Влахернский монастырь – одним из самых почитаемых русскими паломниками? Здесь нужно принять во внимание и средневековую идеологию, и психо-

логию. Наказание Божие, с точки зрения человека того времени, – это знак особой заботы Бога о наказываемом. Наказывались русские язычники, победа же над ними греков-христиан была победой правоверных над неверными. Религиозные различия были для средневекового сознания важнее различий национальных»[138]. Мы видим, что насаждение новой религии неизбежно исподволь подтачивало национальное сознание русского народа, разрывая связь поколений, в результате чего новые единоверцы-греки казались новообращенным ближе, чем их языческие предки, победа над которыми христиан стала праздником для их потомков.

Однако вопрос о том, кем были русы, совершившие поход на Константинополь в 860 г., относится к периоду, непосредственно предшествовавшему призванию варяжских князей на Севере. Как письменные данные, так и анализ имен их предводителей указывает на то, что в основе своей это были западные славяне и в этом отношении отечественная летопись совершенно справедливо называет Аскольда и Дира варягами. Вопрос о том, действительно ли они были как-то связаны с Рюриком, остается открытым из-за противоречивости источников. Рассказывая далее о захвате Киева Олегом в 882 г., летописец неожиданно отмечает: «[И] сѣде Ѡлегъ кнѧжа въ Києвѣ. и реч Ѡлегъ се буди мт̈и градомъ рускими. [и] бѣша оу него Варѧзи и Словѣни и прочи прозвашасѧ Русью»[139] – «И сел Олег княжить в Киеве, и сказал Олег: “Да будет это мать городам русским”. И были у него варяги и словене, и прочие, прозвавшиеся русью». Сторонники южной локализации Руси вполне справедливо обращают внимание на то, что «матерью городов русских» варяжский князь называет не Новгород или какой-либо иной северный город, что было бы логично, существуй первоначальная Русь на Севере, а южный Киев. Последнее предложение процитированного фрагмента понимается ими в том смысле, что, лишь оказавшись в Киеве, пришедшие с Олегом варяги, словене и другие воины его дружины начинают «прозываться» русью, то есть принимают название той земли, где они отныне поселяются. Хоть воины Аскольда и Дира уже до этого назывались русами, едва ли период их правления в Киеве был достаточным для того, чтобы вся эта земля стала восприниматься в качестве Руси. Правильность данного понимания подтверждается и расчетом лет правления первых русских князей, данным летописцем в статье 852 г.: «а ѿ перваго лѣта Михаилова. до перваго лѣт Ѡлгова Рускаго кнѧзѧ лѣт. к̈ѳ. а ѿ перваго лѣт Ѡлгова понеже сѣде в Києвѣ. до перваго лѣта Игорева. лѣт лä̈»[140] – «А от первого года царствования Михаила до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, а от первого года княжения Олега, потому что он сел в Киеве, до первого года княжения Игоря 31 год». Рюрик, согласно ПВЛ, умер в 879 г., и тогда же княжение перешло к Олегу, который захватывает Киев не сразу, а в 882 г. Под 913 г. летописец сообщает, что после смерти Олега начал княжить Игорь. Несложный математический расчет показывает, что, по мнению летописца, первый год княжения Олега, которого он здесь прямо именует «русским князем», приходится не на переход к нему княжения после смерти Рюрика, а на вокняжение его на юге, что дополнительно подчеркивается фразой «потому что он сел в Киеве». В действительности между летописной датой воцарения Михаила и захватом Киева Олегом прошло не 29, а 30 лет, однако эта небольшая ошибка может объясняться особенностями определения начала года в древнерусском летописании. Для нас здесь гораздо важнее другое обстоятельство: счет лет правления Олега именно в качестве русского князя автор ПВЛ ведет не с момента перехода к нему власти на Севере после смерти Рюрика, а с момента начала его правления в Киеве, который, соответственно, и рассматривается летописцем как центр полянской Руси. Эта же тенденция прослеживается и в летописной статье, посвященной междоусобной войне 1015 г. правившего в Новгороде Ярослава и захватившего власть в Киеве Святополка: «и събра Ярославъ Варѧгъ тысѧчю. а прочиx̂ вои 40.000 и поиде на Ст̈ополка… слъышавше се Ст̈ополкъ. идуща Ярослава. пристрои бе-щисла вои. [Роуc̑. и Печенѣгъ. и изыд̂ противу ємоу. к Любичю…]»[141] – «И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов сорок тысяч, и пошел на Святополка… Услышав же, что идет Ярослав, Святополк собрал бесчислен-

ное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу…» Как видим, в данном случае русами именуется только киевская дружина Святополка, в то время как варяги Ярослава русью уже не называются.

Поскольку Киев был столицей племени полян, данную версию происхождения Руси обычно называют полянской. В рассказе ПВЛ о деятельности Кирилла и Мефодия она сформулирована достаточно четко: «бѣ єдинъ язъıкъ Словѣнескъ. Словѣни же сѣдѧху по Дунаєви ихже пряша Оугри и Марава. [и] Чеси и Лѧхове и Полѧне яже нънѣ зовомая Русь»[142] – «Был един народ славянский: славяне, сидевшие по Дунаю и покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которые теперь зовутся русь». Как видим, в отличие от варяжской, полянская версия дает однозначный ответ об этнической принадлежности загадочной руси. Вслед за рассказом об основателе Киева Кие летописец вновь подчеркивает славянский характер Руси: «се бо токмо Словѣнескъ язъıкъ в Руси. Полѧне. Деревлѧне. Ноугородьци. Полочане. Дреговичи. Сѣверъ Бужане зане сѣдоша по Бугу послѣже же Велъınнѧне. а се суть инии язъıци. иже дань дають Руси. Чюдь. Мерѧ. Весь. Мурома. Черемись. Моръдва. Пермь. Печера Ямь. Литва. Зимигола. Корсь. Норова. Либь: си суть свои язъıкъ. имуще ѳ колена Афетова. иже жиоуть въ странахъ полунощнъıхъ»[143] – «Вот кто только славянские народы на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами. А это другие народы, дающие дань Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы, – эти говорят на своих языках, они от колена Иафета и живут в северных странах». Хоть живущие в Восточной Европе финно-угорские и балтские племена также причисляются в соответствии с библейской генеалогией к потомкам Иафета, летописец совершенно четко подчеркивает их отличие от славянской Руси, с которой они связаны лишь даннические отношениями.

С этими известиями летописи об изначальной южной локализации Руси следует соотнести и более поздние ее данные, в которых те или иные древнерусские города то относятся, то не относятся к Руси. Проанализировавший эти сообщения А.Н. Насонов пришел к выводу, что наряду с восприятием всего государства как Руси летописец подразумевал существование области, которую можно назвать Русью в «узком смысле» этого слова.

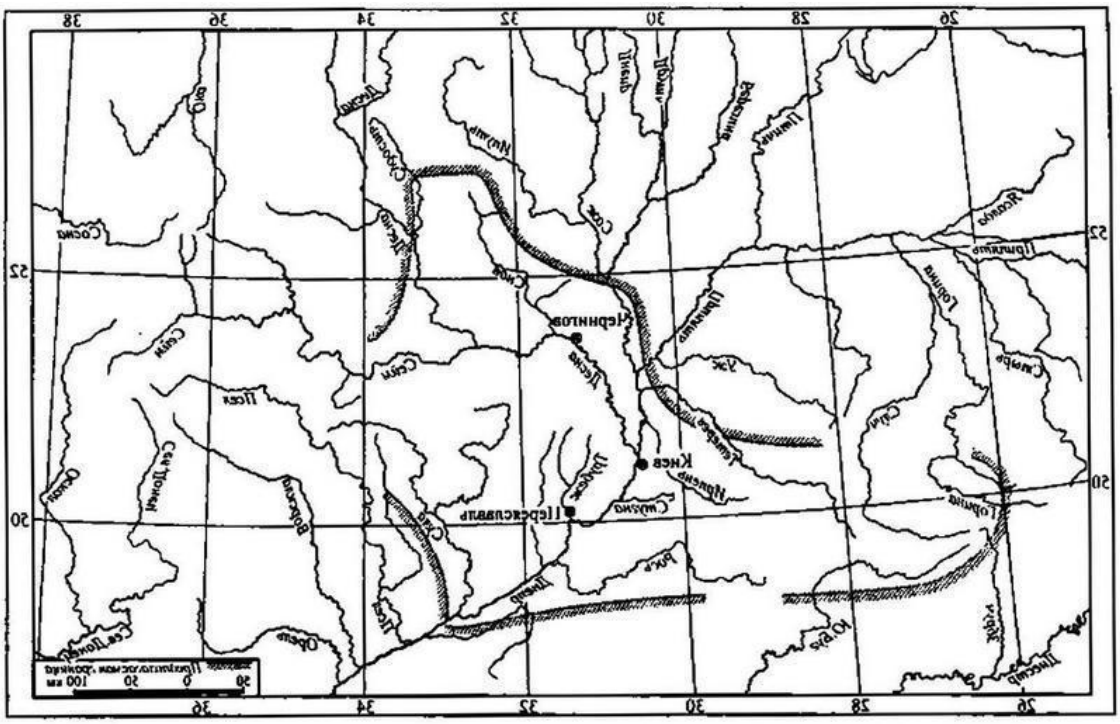

Рис. 7. Составленая А.Н. Насоновым карта «Русской земли» в узком смысле слова. Источник: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002

Весьма показательно, что данная область не была связана с одним племенем: «Территория “Русской земли”, границы которой мы в общих чертах проследили по летописным известиям, не была старой племенной территорией, так как на ней обитали поляне, северяне или часть северян, часть радимичей и, может быть, часть уличей и вятичей; вхождение последних в состав “Русской земли” остается под сомнением. Перед нами следы неплеменного объединения, пределы которого определялись не этническим признаком. Устойчивость термина как термина географического показывает, что “Русская земля” весьма древнего происхождения и сложилась она, очевидно, не в XI в., когда из состава ее выделяются княжества Киевское, Черниговское и Переяславское, а значительно раньше. Наконец, выделение из состава ее трех поименованных “областей” заставляет предполагать, что Киев, Чернигов и Переяславль были некогда центрами этой “Русской земли”. Дошедшие до нас в Повести временных лет договоры с греками в древнерусских переводах с греческого в полной мере подтверждают такое предположение»[144]. На основании изучения летописных текстов им была составлена карта этой «Русской земли» в узком смысле слова (рис. 7). Отмечая, что и в последующие времена термин «Русская земля» часто употребляется в летописи при описании борьбы с кочевниками, этот исследователь предположил, что само это образование возникло еще до Олега и Игоря: «Присматриваясь к границам “Русской земли”, мы неизбежно приходим к выводу, что границы эти определились еще в условиях хазарского ига, слабевшего в течение второй половины IX в., что население “Русской земли” первоначально состояло из тех славянских племен, которые были подчинены ранее хазарам. В самом деле, все летописные данные говорят о том, что борьба с древлянами и покорение их киевскими князьями восходит к глубокой древности. Но чем же объяснить, что даже в XII в. древляне считались живущими за пределами “Руси”, “Русской земли”? <…> Очевидно, территориально она отлилась в очень древние времена, в период спада хазарского преобладания на юге и борьбы с хазарами»[145]. Свое исследование данной темы предпринял и Б.А. Рыбаков, также составивший карту «Русской земли» в узком смысле

слова (рис. 8). Хоть оба выдающихся историка и расходятся в частностях, однако в целом их выводы совпадают.

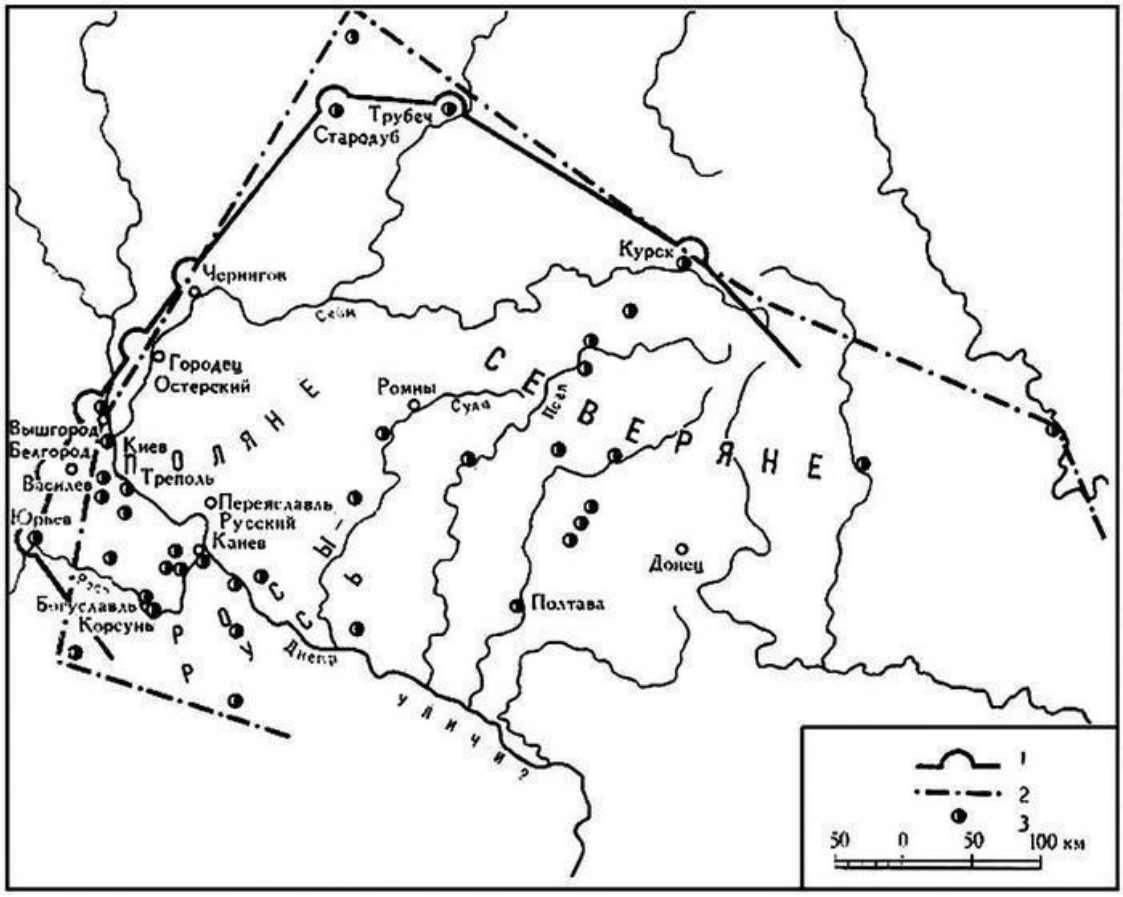

Рис. 8. Составленая Б.А. Рыбаковым карта «Русской земли» в узком смысле слова: 1 – по историческим данным XII в.; 2 – по археологическим материалам VI–VII вв.; 3 – важнейшие места находок вещей VI–VII вв. Источник: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв. М., 1982

С этими наблюдениями над текстом отечественных летописей достаточно давно сопоставляются и некоторые достаточно ранние сообщения о Руси иностранных авторов. Константин Багрянородный в своем сочинении писал: «(Да будет известно), что приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда (Новгорода. – *М.С.*), в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России…»[146] Поскольку Новгород отнесен императором к «внешней России», данное выражение как будто бы предполагает существование «внутренней России» уже во времена Игоря. Уже упоминавшийся «Баварский географ» так описывает Восточную Европу: «Кациры (Caziri), 100 городов. Руссы (Ruzzi). Форшдеренлиуды. Фрешиты. Шеравицы. Луколане. Унгаре»[147]. Исследователи признают, что это одно из ранних упоминаний Руси. В непосредственном соседстве с нею указаны хазары. Исследовавший данный текст с лингвистической точки зрения А.В. Назаренко отмечает, что источником заимствования д.-в.-н. Ruzzi было слав. Rusь, которая располагалась на юге Восточной Европы, скорее всего в Среднем Поднепровье. По поводу других соседей русов, форшдеренлиудов, мнения специалистов расходятся. Одни видят в этом названии «лесных людей», то есть древлян, другие – крымских варягов, третьи – характеристику русов как «руководящих, первых людей, первый, главный народ». Дополнительную трудность в трактовке обуславливает и то, что ни один другой источник, кроме «Баварского географа», его не упоминает. То же самое относится

и к слову «фрешиты». И. Херрман понимает его как слово «независимые», являющееся еще одной характеристикой русов, однако его мнение разделяется не всеми специалистами. Шеравицы однозначной интерпретации не поддаются, а луколан достаточно много исследователей отождествляет с древнерусским племенем уличей. На основании фразы летописца «И беше седяще уличи по Днепру внизъ, а по семъ преидоша межю Бъгъ и Дънестръ, и седоша тамо» и археологических данных Б.А. Рыбаков показал, что до середины X в. уличи жили на Днепре южнее полян[148]. Следует отметить, что самое первое упоминание о конфронтации правителей Киева с уличами, в результате чего они в конечном итоге переселились на Буг из Южного Поднепровья, относится к Аскольду и Диру, которые «къняжаща Кыевѣ и владѣюща полями и бѣша ратьни съ древляны и съ уличи».

Последующие исследования показали, что определенное этническое единство населения «Русской земли» в узком смысле слова все-таки имело место. Антропологи отметили близость древнерусского населения округи Чернигова и Переяславля с правобережным населением Киевского Поднепровья, то есть основных центров «Русской земли» в узком смысле слова, при фиксируемых этой наукой различиях с «северянскими» сериями, близкими облику дреговичей, радимичей и кривичей[149]. Однако вопрос о том, возникло ли оно до или после образования Древнерусского государства, остается пока открытым.

Глава 4. Русский каганат

Именно к той эпохе, которую А.Н. Насонов считает временем возникновения «Русской земли» в узком смысле слова, относится известие о Русском каганате. Сообщают о нем «Бертинские анналы», которые под 839 г. рассказывают, что к франкскому императору Людовику прибыло посольство от византийского императора Феофила: «С ними (послами) он прислал еще неких (людей), утверждавших, что они, то есть народ их, называются рос (Rhos) и что король их, именуемый хаканом, направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы. В упомянутом послании он (Феофил) просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться, так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайно дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав (цель) их прибытия, император (Людовик) узнал, что они из народа свеев (правильнее говорить о свеонах, что соответствует тексту оригинала Sueones. – *М.С.*), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя (в других переводах «у себя». – *М.С.*) задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет»[150]. Дальнейшая судьба этих послов неизвестна, но именно на этом сообщении франкских анналов норманисты во многом и строят свою гипотезу.

Однако, если внимательно проанализировать текст этого сообщения, окажется, что оно далеко не так однозначно, как представляется на первый взгляд. Во-первых, норманисты почему-то совершенно не рассматривают возможность, что свеоны «Бертинских анналов» были авантюристами, просто выдавшими себя за русских послов, чтобы получить дары от византийского императора, не имеющими никакого отношения к народу рос. Во-вторых, как полагал А.Г. Кузьмин, свеоны были «географическим, а не этническим определением» и обозначали не собственно свеев-шведов, а население побережья Балтийского моря и островов[151]. Однако, даже если предположить, что свеоны в данном тексте действительно были шведами, это свидетельствует скорее против, чем за скандинавское происхождение росов. Утверждение послов, «что они, то есть народ их, называются рос», напрямую перекликается с зафиксированной летописью формулой начала речей послов Олега и Игоря «Мы от рода русского»[152] и указывают отнюдь не на племенную принадлежность конкретных послов, а лишь на то, что они являются представителями Древнерусского государства. В высшей степени показательна и реакция франкского императора. Из «Жития святого Ансгария» известно, что в 829 г. к Людовику Благочестивому прибыло посольство свеонов, желавших принять христианство, и к ним были отправлены миссионеры. Теперь же, в 839 г., услышав, что новые шведы называются росами, он немедленно заподозрил в них лазутчиков и задержал до выяснения обстоятельств. Такая редакция Людовика более чем красноречиво показывает, что в качество росов шведы никому на Западе известны не были. Страдавшая от набегов викингов Западная Европа знала скандинавов очень хорошо, и первая же их попытка назваться другим именем сразу же вызвала серьезные подозрения. Следует сразу подчеркнуть, что ни один источник, ни собственно скандинавский, ни русский, ни какой-либо иностранный, больше никогда говорит о том, чтобы скандинавы утверждали, что они принадлежат к племени русов. Для подтверждения своей гипотезы норманисты пытаются использовать и письмо Людовика II византийскому императору Василию I, где говорилось: «Хаганом же, как убеждаемся, зовется предводитель авар, а не хазар или норманнов…»[153] Само письмо византийского императора до нашего времени не дошло, но по поводу искусственного этникона *Nortmanni* А.В. Назаренко предположил, что он являлся частичной калькой греческих названий типа *τὰ βόρεια ἔθνη, τὰ βόρεια γένη*, «север-

ные народы», *οἱ βόρειοι Σκύθαι,* «северные скифы», стоявшем в несохранившемся письме Василия I[154]. Таким образом, *Nortmanni* письма Людовика II отнюдь не доказывают скандинавскую принадлежность Русского каганата, а являются переводом обобщенного византийского названия жителей Севера и не более того.

С другой стороны, отечественные источники неоднократно фиксируют использование титула кагана применительно к великим князьям Древней Руси. Митрополит Иларион в XI в. так восхваляет крестителя Руси: «Сии славныи от славныихъ рожься, благороденъ от благородныихъ, каганъ нашь Влодимеръ…»[155] Говоря чуть далее о сыне Владимира Ярославе, которого он называет христианским именем Георгий, Иларион и его называет каганом: «Паче же помолися о сынѣ твоемь, благовѣрнѣмь каганѣ нашемь Георгии…»[156] Надпись на стене Софийского собора в Киеве гласила «СЪПАСН Г(ОСПОД) Н КАГ(А) NA NAШЕГО»[157] С.А. Высоцкий относит к великому князю Святославу Ярославичу, правившему в Киеве с 1073 и 1076 гг. Наконец, «Слово о полку Игореве» именует каганом сына Олега Святославича, князя Тмутараканского и Черниговского, умершего в 1115 г.

Исследователей давно интересовал вопрос: почему к русским правителям на протяжении более чем двух столетий применялся чужеземный титул? Впервые это тюркское слово упоминается в китайских летописях в 312 г. Каганами именовались верховные правители тюрок, авар и хазар, а в результате движения на запад этих кочевников данное слово стало известно в Европе. По всей видимости, именно от хазар, держава которых значительное время была самой мощной в Восточной Европе и простирала свою власть на некоторые пограничные со степью славянские племена, этот титул и был заимствован русскими князьями. В вопросе возникновения Русского каганата немаловажными представляются выводы А.П. Новосельцева, приведшего сведения Масуди, который в начале X в. описал двоевластие у хазар, когда реальная власть у них находилась в руках царя-ишада, а каган, ведя жизнь затворника, был скорее символом, а не носителем верховной власти. Хазарский царь Иосиф в своих письмах вообще ни разу не упомянул кагана. Исследователь полагает, что именно поражение, нанесенное хазарам арабским полководцем Мерваном в 737 г., положило начало перехода реальной власти от кагана к царю-ишаду. Насколько можно судить, процесс этот был не одномоментный. Поскольку правитель русов едва ли стал заимствовать титул, носитель которого не обладал реальной властью, а произошло это, по мнению А.П. Новосельцева, в первой трети IX в. Его принятие еще до призвания варягов означало, во-первых, независимость от Хазарского каганата и претензии на господство в регионе и, во-вторых, предполагало, что под властью кагана русов находятся другие правители ибо данный титул, соответствовавший у тюркоязычных кочевников титулу императора, изначально предполагал такое значение[158]. После объединения страны под властью династии Рюриковичей их представители перенимают данный восточный титул, который продолжает подчеркивать их независимость от Хазарии, а после ее разгрома Святославом и от Византийской империи.

Рассмотренная история титула правителя Русского каганата указывает на былое соперничество наших предков с Хазарским каганатом. Вместе с тем, согласно приведенному выше фрагменту ПВЛ, к моменту появления Аскольда и Дира киевляне платили дань хазарам. Кроме того, под 859 г. летописец сообщает: «Въ лѣт 859. [И] маху дань Варѧзи изъ заморья. на Чюди и на Словѣнех. на Мери. и на всѣхъ Кривичѣхъ. а Козари имаху на Полѧнѣ. и на Сѣверѣ и на Вятичѣхъ. имаху по бѣлѣи вѣвериць ѳ дъıма»[159] – «Варяги, приходя из-за моря, взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с веси, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по белке от дыма». Рассказывая далее о деятельности киевских князей Олега и Святослава, летописец отмечает освобождение ими от хазарской дани тех или иных славянских племен. О подчинении части славян власти Хазарии говорится и в письме хазарского царя Иосифа, которое будет рассмотрено ниже.

Итак, и отечественный, и хазарский источники сообщают нам, что во второй половине IX в. граничившая со степью часть восточнославянских племен была вынуждена платить дань хазарам, притом что в начале того же столетия Русский каганат претендовал не только на независимость, но и на равноправие с Хазарией в качестве мощной силы в данном регионе. В ПВЛ содержится рассказ и о том, что после смерти Кия, жившего, как полагают исследователи, в VI в., среди восточнославянских племен начались усобицы, чем незамедлительно воспользовались хазары, потребовавшие от полян дани. Посовещавшись, поляне дали от дыма по мечу. Изумленный хазарский каган потребовал разъяснения от мудрецов, которые ответили: «Не добра дань княже мы доискахомся оружьемь одиноя страны, рѣкше саблями. а сих оружье обоюду остро. рекше мечи. си имуть имати и на нас дань. и на инѣхъ странахъ. се же събыться все. не от своея воля ркоша. но от Б(о)жия изволѣнья»[160] – «Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, – саблями, а у этих оружие обоюдоострое – мечи. Станут они когда-нибудь собирать дань с нас и с иных земель». «И сбылось все сказанное ими, – продолжает русский летописец, – так как не по своей воле говорили они, но по божьему повелению». Летописную легенду о хазарской дани полян одни историки расценивали как разоружение племени, другие – как отказ подчиниться и вызов на бой. На основе своего исследования летописного текста А.А. Гиппиус считает, что «в своем первоначальном виде рассказ сообщал не о подчинении полян хазарами, но о том, как “мудрым и смысленным” полянам удалось избежать обложения хазарской данью, продемонстрировав готовность к сопротивлению. Представление о том, что поляне все же находились под властью хазар на протяжении длительного времени, появилось в летописании лишь на стадии составления Начального свода. Его составитель, моделируя историю Русской земли по библейскому образцу, не мог не уподобить хазарского периода этой истории египетскому рабству Израиля»[161].

Противоположной точки зрения придерживается археолог А.А. Комар: «В то же время наличие в Киеве признаков заселения в начала VIII в. – важный момент для хронологизации событий легендарной части летописи, повествующей, в частности, о полянской дани хазарам, ведь именно концом VII – первой третью VIII в. датируются два хазарских погребения из Геленовки и Журавлихи, исследованные к югу от Киева. Как минимум с этого периода летопись оперирует не легендой, а первыми историческими данными о судьбах древнего населения Киева»[162].

Как вопрос о Русском каганате, так и вопрос о хазарской дани неизбежно вводит нас в круг весьма непростой проблематики русско-хазарских отношений. С одной стороны, ее сложность обусловлена объективным состоянием источников, их немногочисленностью и противоречивостью. Уже в случае с летописным известием о дани хазарам мечами мы видели существование у исследователей диаметрально противоположных мнений. Однако на эту неполноту источников накладываются другие факторы, еще более затрудняющие ее объективное рассмотрение. В книге «Битва у Варяжских столпов» мною уже было показано, что существование норманизма во многом обусловлено не научными, а идеологическими причинами. В неменьшей степени эти идеологические причины осложняют и рассмотрение русско-хазарских отношений. Сами по себе хазары были не лучше и не хуже других орд азиатских кочевников, в различное время обрушивавшихся на Европу. Однако в отличие от всех остальных кочевников впоследствии верхушка Хазарского каганата приняла иудаизм, что автоматически вводит взаимоотношения Руси с Хазарией в контекст гораздо более сложного вопроса русско-еврейских отношений. Острота хазарской проблематики оказалась обусловлена тем, что исповедовавшее иудаизм руководство каганата какое-то время брала дань с части восточнославянских племен. Соответственно, в зависимости от пристрастий отдельных авторов, Хазарский каганат изображался в черном цвете или, наоборот, в светлых тонах.

Идеализация его началась с В.В. Григорьева, который еще в XIX в. яркими красками рисовал такую идиллическую картину: «Необыкновенным явлением в Средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную, цветущую торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как светлый метеор ярко блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования»[163]. Крупный отечественный историк В.О. Ключевский писал: «Хозарское (так в тексте. – *М.С.*) иго было для днепровских славян не особенно тяжело и не страшно. Напротив, лишив восточных славян внешней независимости, оно доставило им большие экономические выгоды. С тех пор для днепровцев, послушных данников хозар, были открыты степные речные дороги, которые вели к черноморским и каспийским рынкам»[164], где хазарская власть заботливо оберегала их от азиатских варваров. Бурное развитие капитализма, в котором еврейские капиталы сыграли далеко не последнюю роль, подспудно диктовало определенной части русского общества мысль, что самое главное – это экономическая выгода, ради которой вполне возможно поступиться и собственной независимостью, в утрате которой не было даже ничего особо страшного. Впоследствии, однако, вся эта гармония была безжалостно разрушено русами во времена Святослава. Нечего и говорить, что хазарофилы, как можно называть апологетов Хазарии, крайне негативно оценивали уничтожение каганата даже в советское время: «…разгром Хазарии имел и очень тяжелые для Руси последствия. Пала стена, сдерживавшая напор кочевников и мешавшая им широкой волной залить Черноморские степи…»[165]

Хоть капиталистический уклад был ликвидирован в СССР, однако под стремление всяческого возвеличивания роли Хазарии отдельными советскими историками была быстро подведена новая идеологическая база. М.И. Артамонов в 1936 г. объяснял отсутствие обобщающего труда по истории каганата не только объективным недостатком источников: «Причины отсутствия внимания к хазарам коренятся глубже – в узком национализме русской дворянско-буржуазной историографии. <…> Как было русскому шовинизму примириться с политическим и культурным преобладанием Хазарии, выступающей в качестве государства, почти равного по силе и политическому значению Византии и арабскому халифату в то время, как Русь еще только выходила на историческую арену и то в роли вассала Византийской империи. Как можно было допустить наличие у колониально эксплоатируемых царской империей народов своего славного прошлого». Дальше – больше: «Хоть Киевское государство и нельзя считать непосредственным продолжением Хазарского каганата… все же Хазарское государство нельзя не учесть как важнейшее условие образования Киевской Руси в тех конкретно-исторических формах, в какие это государство вылилось как в политическом, так и в культурном своем содержании»[166]. В своей последней статье, опубликованной уже после его смерти, он вообще заявил, что важнейшее направление славянского расселения на юг, приведшее к основанию будущей столицы Киевской Руси, произошло с милостливого согласия хазар: «Поскольку, как нам представляется, славяне овладели Средним Приднепровьем с согласия хазар и при их содействии, то, поселившись здесь, они оказались данниками Хазарского каганата. <…> Заселение славянами освобожденной от кутригуров лесостепной полосы происходило под эгидой хазар беспрепятственно»[167]. Едва ли необходимо говорить, что и это заявление является громкой декларацией, не имеющей под собой никакой основы в источниках. В.В. Седов отмечает, что археологически славяне фиксируются в Среднем Приднепровье уже в V в. [168], то есть тогда, когда хазары вообще не представляли собой сколько-нибудь значительную силу не только в данном регионе, но и в Восточной Европе в целом. Далеко не всегда согласные с ним по другим вопросам И.О. Гавритухин и А.М. Оболенский также констатируют: «Мы присоединяемся

к мнению большинства исследователей, которые считают, что население киевской культуры и его потомки – пеньковские и колочинские племена – в этническом отношении были славянами. Основным результатом исторических процессов конца IV – первой половины V в. на территории Днепровского Левобережья было, таким образом, освоение славянскими группировками наиболее плодородной его части – территории, ранее заселенной народами черняховской общности»[169]. Что же касается хазар, то даже последовательница М.И. Артамонов С.А. Плетнева констатирует: «Достаточно весомых и убедительных археологических доказательств пребывания хазар в степях в VII в. пока нет. Это был век аварского господства и праболгарского широкого освоения степных пространств Причерноморья и Крыма»[170]. Само продвижение хазар в Приднепровье эта исследовательница датирует VIII в., однако основывает свое мнение в том числе и на спорной этнической атрибутации Вознесенского комплекса, который одни специалисты считают славянским, другие – тюркским.

По сути, М.И. Артамонов не только воспроизвел, но и усилил утверждение В.О. Ключевского, сделанное им в его исследовании о боярской думе: «В то самое время, с конца VII в., на пространстве между Волгой и Днепром утвердилось владычество хозарской (так в тексте. – *М.С.*) орды, пришедшей по аварским следам. Славяне, только что начавшие устрояться на своем днепровском новоселье, подчинились этому владычеству. С тех пор как в Хозарию проникли торговые евреи и потом арабы, хозарская столица на устьях Волги стала сборным торговым пунктом, узлом живых и разносторонних промышленных сношений. Покровительствуемые на Волге и на степных дорогах к ней, как послушные данники хозар, днепровские славяне рано втянулись в эти обороты»[171]. Если эти утверждения делались В.О. Ключевским в 1902 г., то М.И. Артамонов повторял и усиливал их семьдесят лет спустя, насильственно подгоняя археологические факты под свои хазарофильские представления. Весьма показательно, что оба этих историка были не только хазарофилами, но норманистами. Родство обоих гипотез, в которых идеология господствовала над фактами, отметил в свое время еще Б.А. Рыбаков: «Хазарская теория происхождения русской государственности сочеталась с норманнской. Русские земли были поделены на “варяжскую группу” и “хазарскую группу”. Самостоятельному, внутреннему развитию славянских племен не оставалось места»[172]. Следует также добавить, что и другие археологи отнюдь не соглашаются со столь идиллической картиной славяно-хазарских отношений. Так, например, О.В. Сухобоков на основании своих археологических исследований славянского пограничья со степью в интересующий нас период отмечает прямо противоположное: «Находясь в сфере влияния Хазарского каганата, славянское население Левобережного Поднепровья и Подонья неизбежно отставало в своем развитии от других восточнославянских племен. Это нашло отражение в определенной архаичности древностей роменского и боршевского типов»[173].

Однако такая мелочь, как несоответствие фактов их идеологическим построениям, не останавливала отечественных и зарубежных хазарофилов, во что бы то ни стало стремившихся отыскать «доказательства» благотворности хазарского господства для славян. Защитить Хазарию от «русского шовинизма» и «реабилитировать» ее историю в советское время взялся убежденный норманист М.И. Артамонов. В своем итоговом труде он так характеризовал первый этап (до принятия иудаизма) истории каганата: «Даже после падения Тюркского каганата хазары остались верны древнетюркским обычаям и также острой саблей и длинным копьем распространяли свою власть над соседними племенами и народами. Тем не менее в эту эпоху роль хазар в истории была прогрессивной. Они остановили натиск арабов, открыли двери византийской культуре, установили порядок и безопасность в прикаспийских и причерноморских степях, что дало мощный толчок для развития хозяйства этих стран и обусловило заселение славянами лесостепной полосы Восточной Европы»; «Итак, в первый период Хазарское господство для народов Восточной Европы было не обременительно, спасало от нападения

злейших врагов – мусульман – и давало возможность личного обогащения…»; «На основании археологических данных можно заключить, что только со времени утверждения хазар в южной части нашей страны и под их прикрытием со стороны степей славянское население расселяется из исконных своих областей в лесах Среднего Поднепровья, Волыни и Подолии, в лесостепную полосу с ее черноземами»[174]. В другом месте этот археолог суммировал свои представления как о благотворности хазарского ига, так и свою веру в то, что хазары осознанно или нет были защитниками Европы: «Только с подчинением хазарам земледельческие славянские племена получили возможность занять лесостепную полосу Украины, куда их издавна манили тучные черноземы и где для их сельского хозяйства в целом открывались особенно благоприятные возможности при безопасности от грабительских нападений степняков. До IX в. никаких соперников в господстве над Северным Причерноморьем и примыкающими к нему лесостепными областями Поднепровья у хазар не было. Хазарское государство в течение по меньшей мере полутора столетий было полным хозяином южной половины Восточной Европы и представляло собою мощную плотину, запиравшую Урало-Каспийские ворота из Азии в Европу. В течение всего этого времени оно сдерживало натиск кочевников с востока»[175]. Однако гипотеза «щита», которым якобы Хазария была по отношению к восточным славянам, раскритиковал Б.А. Рыбаков: «Для того чтобы так оценивать итоги войн Святослава и предполагаемую роль каганата, нужно совершенно забыть о конкретных географических условиях южнорусских степей. Разве Саркел и другие хазарские города на Дону могли быть стеной, сдерживавшей печенегов? Саркел защищал только северокавказские степи, оставляя печенегам, уграм и болгарам всю прилегавшую к Руси степную полосу шириной в 300 км. За сто лет до разгрома Хазарии в этой полосе уже хозяйничали угры… Русь сама защищала себя от всех кочевников, в том числе, вероятно, и от хазар»[176]. С опорой на источники он показал «паразитарный характер государства, жившего преимущественно за счет транзитной торговли».

Зарубежные хазарофилы устами Н. Голба и О. Прицака провозгласили новую грандиозную историческую «истину» о том, что основатель Киева Кий с братьями, равно как и все поляне, были выходцами из Хазарского каганата: «Киев, расположенный на Днепре, был основан как город (вернее, как предполагали, серия городков) не ранее первой половины IX в. Этот факт засвидетельствован археологическими раскопками. К тому времени по Днепру проходила хазарская граница, и возможно, что Киев был первоначально хазарским гарнизонным городом. Постоянная хазарская армия *(al'arsiya)*, защищавшая западную и северные границы, была укомплектована мусульманами восточноиранского происхождения. Можно ожидать, таким образом, что этот элемент играл решающую роль в превращении пограничного поселения в торговый город»[177]. Поскольку в своем сочинении Масуди упомянул, что Ахмад бен Куйа был главой наемного мусульманского войска, укомплектованного выходцами из Хорезма, в Хазарском каганате, соавторы довольно логично предположили, что Куйа было имя его отца. Однако дальше пошла уже цепь ни на чем не основанных предположений: возможно, что в течение последнего десятилетия VIII в. и в первом десятилетии IX в. должность главы вооруженных сил Хазарского государства занимал Куйа; возможно, что именно Куйа укрепил крепость в Беластове и разместил там оногурский гарнизон. И из цепи этих предположений, подкрепленных превратным толкованием летописи, делается вывод: «Поэтому ничто не мешает нам полагать, что хорезмиец *Кууа,* министр вооруженных сил Хазарии, послуживший прототипом Кия летописей, и был основателем (или строителем) Киевской крепости.

Таким образом, название Киева в его древнейшей неславянской форме с точки зрения лингвистики отражает его хорезмийское (восточноиранское) происхождение. Однако в культурном и политическом отношении оно должно быть признано хазарским (каварским и оногурским) элементом»[178]. Самое интересное заключается в том, что часть туземной интеллиген-

ции с готовностью подхватила эту совершенно надуманную версию и стала пропагандировать ее в своих статьях.

У нас в стране после крушения СССР идиллическая картина экономического процветания славян под мудрым и необременительным господством иудеев пришлась в буквальном смысле ко двору, если вспомнить национальное происхождение значительной части российских олигархов в ельцинское время, в результате чего часть историков с энтузиазмом подняли на щит дореволюционные идеи. Так, например, начав свою статью с радостной констатации того, что «в последние годы открылись возможности для свободного изучения “экзогенных” факторов русской государственности», В.Я. Петрухин с готовностью подхватил высказывание В.О. Ключевского о том, что хазарское иго способствовало развитию экономики славян, и ни много ни мало объявил его «провидческим». Как это соотносится с известным к тому времени фактом экономической блокады Русской земли со стороны Хазарии, речь о которой пойдет далее, остается загадкой. Он же изо всех сил пытается подвести под свои норманистские и хазарофильские фантазии археологический материал: «Большие курганы Черниговщины, Черная могила и Гульбище, насыпанные с сооружением скандинавских традиций, содержали также “трофеи” – груды вооружения, спекшиеся на погребальном костре: ближайшие параллели такому обряду известны в салтовских – хазарских древностях (вплоть до упомянутых комплексов типа Вознесенки). В камерных гробницах и курганах с трупосожжениями всадников кони укладывались иногда не “по-скандинавски” (в ногах), а “по-кочевнически” (сбоку от хозяина). Древнейшей русью были восприняты многие традиции хазар и других степняков как в одежде, так и в декоративном искусстве, – но особенности обряда заставляют предполагать не просто внешнее влияние, а участие выходцев из степи в совершении дружинных обрядов и, стало быть, включение их в состав русской дружины, что было характерно и для XI в.»[179]. Этот норманист и хазарофил постулировал и «потребность собственно Руси в культурных достижениях еврейства», и то, что «летописный князь Владимир действительно уподобился Булану еврейско-хазарской переписки»[180]. Правда, даже В.Я. Петрухин был вынужден констатировать, что фантастическая гипотеза о Кие-Куйя, подвергнутая к тому времени критике другими учеными, «никак не согласуется с киевскими реалиями», но зато вслед за еврейским историком Г.М. Барацем старается обосновать еврейскую этимологию для брата Кия Хорива, утверждая, что имеющиеся обстоятельства позволяют предположить, «что имя “Хоревица” закрепилось за киевской горой в дохристианский период и было заимствовано славянскими жителями Киева у еврейско-хазарской общины, которая приурочивала легендарные топонимы к киевским реалиям»[181].

Вернемся к широковещательным заявлениям М.И. Артамонова, в связи с которыми возникает закономерный вопрос: каких именно, по его мнению, «колониально эксплоатируемых царской империей народов» узконационалистическая русская дворянско-буржуазная историография лишала «своего славного прошлого»? Естественно предположить, что ими были хазары. Однако в русских летописях хазары последний раз упоминаются в 1083 г., а в иностранных источниках – в 1245 г., после чего этот народ окончательно исчезает из истории. Этого обстоятельства изучавший историю хазар М.И. Артамонов не мог не знать. Таким образом, колониальную эксплуатацию хазар вменить в вину Российской империи даже при всем желании не представляется возможным. Часть поволжских и кавказских народов, некогда входивших в состав каганата, продолжали существовать к началу XX в., однако период хазарского ига в их истории вряд ли можно считать их «славным прошлым». Поскольку происхождение от хазар крымских караимов и кавказских татов представлялось ему маловероятным, единственным оставшимся вариантом оказываются связанные с хазарами евреи. Подтверждает это предположение и то, что позднее, в своем главном труде о Хазарии, описывая Тмутаракань уже после включения ее в состав Древней Руси, М.И. Артамонов писал: «Можно допустить, что

именно хазары держали в своих руках торговлю этого города, а вместе с тем, что в какой-то своей части они состояли из евреев, издавна обосновавшихся в нем и после принятия хазарами иудейской религии считавшихся хазарами»[182]. Уже в нашем столетии П.П. Толочко отмечал, что «международная торговля Хазарии находилась в руках трансэтнического еврейского торгового капитала»[183]. Вот его-то славу на самом деле и собрался воспеть М.И. Артамонов.

Как известно, собственная государственность у евреев была уничтожена еще Римом в античную эпоху, после чего этот народ был лишен собственного национального государства почти две тысячи лет. Подобное отличие от остальных народов ими переживалось достаточно остро. Понять эти чувства помогает письмо видного представителя еврейской общины в Испании Хасдая, бывшего сановником кордовского халифа, к хазарскому царю. По его словам, евреям после разрушения римлянами их царства и рассеяния их народа по другим странам неоднократно приходилось выслушивать от иноплеменников, что «у каждого народа есть (свое) царство, а о вас не вспоминают на земле». Как только он услышал о существовании могущественного иудейского царства, его «охватила радость, мои руки окрепли и надежда стала тверда». Аналогичное действие эта весть произвела и на других испанских евреев: «Когда они услыхали о моем господине (хазарском. – *М.С.*) царе, о мощи его царства и множестве его войск, они пришли в изумление. Через это мы подняли голову, наш дух ожил и наши руки окрепли. Царство моего господина стало для нас (оправданием), чтобы раскрыть (смело) уста. О, если бы эта весть получила еще большую силу, так как благодаря ей увеличится и наше возвышение! Благословен Господь, Бог Израиля, который не лишил нас заступника и не упразднил светоч и царство у колен израильских! Да живет наш господин, царь, вовек!» Не останавливаясь перед расходами, Хасдай решил проверить это известие, «чтобы (только) разыскать и узнать истину, (а именно) существует ли (где-либо) место, где имеется светоч и царство у израильской диаспоры и где не господствуют над ними и не управляют ими. Если бы я узнал, что то, что я слышал, верно, я бы пренебрег своим почетом и отказался от своего сана, оставил бы свою семью и пустился бы странствовать по горам и холмам, по морю и суше, пока не пришел бы к месту, где находится господин мой, царь, чтобы повидать его величие, его славу и высокое положение…»[184] Возможность записать в свой актив большой и могущественный Хазарский каганат влекла, однако, не только средневековых евреев, но и симпатизирующих им историков последующих времен.

Движимый, по всей видимости, теми же чувствами, что и Хасдай, М.И. Артамонов осуществил свой замысел, написав фундаментальный труд по истории хазар с использованием всех известных на тот период письменных источников и археологических данных, немалая часть которых была собрана и, что самое главное, интерпретирована лично им. Как известно, могущество и слава любого государства во многом зависят от величины занимаемой им территории. Соответственно, хазарофилы стараются представить каганат как можно более обширной империей. Вопрос точного определения границ Хазарии объективно труден в силу того, что сколько-нибудь подробно они описываются только в одном документе – письме хазарского царя Иосифа. Он так описывает границы своих владений на Волге: «Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Каждый народ не поддается (точному) расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань. Оттуда граница поворачивает по пути к Хуварезму (доходя) до Г-р-гана. Все, живущие по берегу (этого моря) на протяжении одного месяца пути, все платят мне дань. А еще на южной стороне – С-м-н-д-р… С западной стороны – Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суг-рай…»[185] Буртас, первый упомянутый народ, мусульманские авторы помещают на Волге между булгарами и хазарами. Волжские булгары также одно время были вассалами Хазарии, однако уже в 922 г. принимают ислам, надеясь на поддержку своих новых единоверцев против каганата. С-вар традиционно понимается как Сувар, город волжских булгар, а арису – как эрзя. Упоминание черемис (ц-р-мис), которых

знают только русские летописи, как признавал сам М.И. Артамонов, служит серьезным доводом в поддержку предположения о достаточно позднем возникновении пространной редакции письма Иосифа, благодаря которой в него могли внести те или иные добавления[186]. В В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн видят название вятичей, северян и еще каких-то славян. На востоке, согласно утверждению Иосифа, его власть доходила до Хорезма и Гургана, то есть южного побережья Каспийского моря. Самандар – это древняя столица Хазарии на юге, локализуемая в современном Дагестане. Что касается Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суг-рай – то это Саркел, возможно, Тамараха, Керчь и Судак. А.П. Новосельцев отмечает: «Пределы Хазарии на северо-западе из письма Иосифа сколько-нибудь ясно не вырисовываются. Упоминание Саркела, кажется, свидетельство того, что в середине X в. это был пограничный город. Дальше на запад кочевали печенеги, которые, согласно трактату Константина Багрянородного, выглядят не только самостоятельными от хазар, но и одной из трех важнейших политических сил (другие – Русь и Венгрия) Восточной Европы. <…> Сложен вопрос и о восточной границе Хазарии. Царь Иосиф утверждает, что пределы его государства доходили до Хорезма и Гургана, но в это трудно поверить даже для более раннего времени. Ни один арабский или персидский источник не дает и намека на хазарскую власть не только в Гургане, но и в Хорезме»[187]. Таким образом, даже если оставить в стороне вопрос о подлинности еврейско-хазарской переписки и дополнений, вносимых в нее впоследствии, очевидно, что безоговорочно доверять хазарскому царю, стремившемуся изобразить себя как можно более могущественным правителем, нельзя. Кроме того, границы Хазарии едва ли оставались неизменными на протяжении столетий и, по всей видимости, менялись в зависимости от политической обстановки. Поскольку вопрос о границах Хазарии на северо-западе имеет весьма важное значение не только для локализации Русского каганата, но и для определения его исторической судьбы, остановимся на этом вопросе подробно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.